

МАША МОРАН

НЕЖЕЛАННАЯ

Книга 2

18+

ПАННА И СМЕРТЬ

Речи о Северном кряже

Маша Моран

**Нежеланная. Книга
вторая. Панна и Смерть**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Моран М.

Нежеланная. Книга вторая. Панна и Смерть / М. Моран —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

Он – равнодушный палач, убийца и охотник на ведьм. Она всю жизнь провела в услужении другим, презираемая и одинокая. Он пытается и истязает. Она пережила насилие. Им не суждено было встретиться. Но Судьба решила иначе, сведя их за миг до смерти. В мире, где правит лицемерие, благочестивые жители окажутся бессердечными ублюдками, а жестокий убийца – героем. Страсть и похоть переселят страх и сметут все границы. В романе присутствуют сцены жестокости, насилия и эротики. Исходники для обложки взяты с сайта Shutterstock. Обложка от Ирины Северной.

Содержание

Глава I. Неисполненные обещания	5
Глава II. Волшебный лёд и синее пламя	18
Глава III. Три осенних призрака	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава I. Неисполненные обещания

Говорят, что за тремя самыми высокими северокрыжскими горами, что Венцом королевы зовутся, раскинулось Мёртвое царство. То – земли Смерти. Коль умер человек или убит, быть ему там гостем. Сам я в царстве том не бывал, однако ж люди знающие рассказывали, что места это лихие. Каждый день набрасывают слуги Смерти тёмный саван на Солнышко Ясное и утаскивают в свои края, прячут в сундуке резном. Темно в царстве Смерти, сумрачно. Бесконечный Вечер господствует.

Бился однажды Смерть с Чёртом. Не удалось ему одолеть лиходея, однако ж ранил он супостата. И там, где упали капли крови чёртовой, возникли на Земле язвы кровавые. Долго Земля залечить их пыталась, кожу новую нарастить. Так из недр её возникли рубцы-вулканы. В этих вулканах Смерть мастеров-кузнецов поселил. И день, и ночь трудятся они, куют оружие да украшения, коих Свет Белый не видывал – а всё потому, что в крови самой Земли они закалены. Стучит молот кузнечный, и разносится над всем Мёртвым царством звоном венчальным. Под эту песнь мёртвые свадьбы играют. Выдают призраки дев прекрасных замуж. Женихи знатные. Сам Месяц Бледный, Дождь Седой да Буйный Ветер. Ох, и каковы эти свадебки! Невеста украшения надевает серебряные, кузнецами выкованные. Платье у неё из паутины сверкающей сшито, звёздной пылью осыпано. Фата из тумана белого соткана, а туфельки светятся в сумраке – изо льда они сотворены. Идёт невеста по Мёртвому царству, и сам Смерть её приветствует. На флейте своей чудесной играет. И все умертвия в пляс пускаются, пока ноги в кровь не сотрут. Пьют они вино кровавое из кубков хрустальных и серебряных, едят грибы ядовитые, которые для человека – смерть лютая.

Веселиться бы им так вечно, да вырвется Солнышко Ясное из сундука. Вновь на небо поспешит. И наступит новый рассвет. Развеет Ветер Буйный истлевшие тела, обратит в прах. Чтобы к вечеру собрались бледные призраки на новую свадьбу.

А может, всё и не так происходит – мне это не ведомо. То люди знающие так говорят... Речи о Северном кряже

* * *

В голове царил такой сумбур, что Мельца начала опасаться за собственный рассудок. Подобрав грязный подол, на цыпочках, она проскользнула в свою спальню, сжимая в кулаке атаманов перстень. Всё произошедшее казалось чудесным небывалым сном. Но кольцо так жгло ладонь, что помимо воли она начинала верить в реальность. Неужто атаман и вправду увезёт её отсюда? Пожалуй, это было единственным, чего она сейчас желала: оказаться как можно дальше от хутора и всего, что здесь произошло. Ворожейник забрать её пообещал. Может, обман какой задумал? Натешится с ней в лесу и бросит умирать... Но зачем кольцо тогда оставил? Нет, не мог он такого злодейства над ней замыслить.

Мельца потрясла головой. Не мог. Главное, чтобы увёз. Может, в Каменн даже. А там она служанкой в дом какой-нибудь пойдёт или в корчму помощницей. И жизнь наладится. Потихоньку, не сразу, но наладится.

Мельца открыла простую шкатулку, когда-то давно выброшенную Багрянкой. Сестре отец тогда подарил новую и красивую, большую – с искусной резьбой. А Мельца подобрала эту – где-то же нужно было украшения свои хранить. Их, правда, было немного. Несколько выцветших лент, старые исцарапанные бусы, матушкино колечко, тоненькое и потускневшее. Где-то здесь ещё был... Вот же! На самом дне лежал длинный кожаный шнурок. Мельца вытащила его и поднесла к лицу. Он уже утратил тот терпкий запах кожи, которым отличаются

все новые изделия. Которым пах атаман... Но не беда, она легко представит, что он где-то по близости, рядом.

Шнурок оказался таким длинным, что пришлось два раза продеть его через кольцо. Она крепко-накрепко завязала узелок и повесила перстень на шею. Он свешивался аж до живота. И хорошо! Так будет легче его спрятать – под широкими свободными платьями. Мельца положила перстень на ладонь и только сейчас осмелилась внимательно рассмотреть. В центре блестел крупный чёрный камень. Формой он напоминал человеческое сердце. Вокруг камня свивал кольца змей. Мельца не могла понять, почему аспид кажется ей странным. Было в нём что-то неправильное. До боли в глазах всматриваясь в изящные серебряные вязи, она вдруг поняла: это не змей, это его скелет! Острые позвонки соединялись в длинный серебряный позвоночник, от которого лучами отделялись рёбра разной длины. Скелет был выполнен так искусно, что казалось, ещё секунда – и начнёт раскручивать кольца. Вдруг змей подмигнул ей. Мельца испуганно вскрикнула, но тут же поняла, в чём дело. Глазницы черепа не были пусты – в них сияли ещё два маленьких чёрных камешка. В неверном утреннем свете казалось, что змей улыбается и щурит глаза. Из его раскрытой пасти торчали два загнутых клыка и длинный раздвоенный язык. Поднеся кольцо так близко к лицу, что едва ли не касалась его носом, Мельца смогла разглядеть едва заметное чернение и на клыках, и на языке. Древние руны вились искусным узором, завораживая и пугая.

– Какой ты красивый... – Она не смогла сдержать восторга и улыбнулась серебряному змею.

Наверное, показалось, но змей сверкнул глазами и понимающе улыбнулся в ответ. За дверью послышался топот ног, и Мельца быстро спрятала перстень под платье. Он немного оттягивал шею и иногда касался живота. Это будоражило и волновало. Подтверждение того, что у неё появился призрачный шанс на спасение, на побег из Пеплиц. Новая жизнь была совсем близко, и Мельца сделает всё, чтобы дотянуться до неё рукой.

Она вышла из спальни и спустилась на кухню. Кмети сидели за столом, о чём-то тихо переговаривались и брезгливо поглядывали на всё ещё спящих мужиков. Мельца осторожно взяла ещё вчера приготовленный ставчик и обернулась к дружинным:

– Это... Для тех, кто ведьму... Стережёт... Они, наверное, голодны...

К концу она совсем уж тихо говорила, едва ли не шептала. Кмети смотрели на неё с удивлением – не ожидали, видать, что она осмелится при них рот открыть.

– Не надо, – это кормчий решил ей ответить, – вернутся сюда и поедят. Нечего им отвлекаться.

Мельца кивнула суровому воину и отвернулась. С этого момента она, похоже, превратилась для кметей в невидимку. Чтобы не смотреть каждый раз на развалившуюся по лавкам пьянь, Мельца начала вслушиваться в тихий разговор дружинных. Для них она была лишь прислугой, как и для всех, кто бывал в доме отца. Потому сильно дружинные не таились.

– А ипат-то наш и пан атаман спят до сих пор. – Чей-то насмешливый голос.

– А чего им не спать – всю ночь развлекались. – А в этом зависть слышится.

– С кем?!

– Ну так знамо, с кем! С красоткой-вдовой.

– Уж не знаю, кого она там заграбастать из них сумела, но пошумели они знатно.

– Так, мож, обоих?

Весёлый мужской хохот напугал Мельцу ещё больше, чем этот разговор. Нет... Не мог атаман так поступить... Он ведь... Мельца постаралась незаметно утереть слезу, скатившуюся по щеке, а потом прижала руку к животу, где под платьем прятался атаманов перстень. Неужто обманул?

Но суровый и чуточку сердитый голос вернул ей надежду:

– Атаман на рассвете уехал. – Мельца бросила взгляд через плечо и тут же испуганно отвернулась.

Это здоровяк Гирдир со своим огромным топором. И смотрел он прямо на неё. Будто знал обо всём. Руки задрожали, но она продолжила разбирать посуду. А ведь и вправду. Уехал он на рассвете, да и всю ночь рядом с ней провёл, у кашеварни. Сердце спокойнее забилося, и на губах сама собой улыбка расцвела. Не обманывал её атаман, не предавал. Вдруг тепло стало. Будто он совсем рядом где-то, тянется к ней нестерпимо горячими руками. Мельца вспомнила, как он прижимал её к своей твёрдой груди, как держал уверенно и крепко. И почему-то захотелось ей вновь это ощутить. Только чтобы обнял её не потому, что упасть готова, а потому, что сам пожелал. Ощутить каменную твёрдость его груди стало необходимостью. Глупая сумасшедшая потребность.

– Куда это он собрался? Ведьму поймали, завтра сожжём, и в Каменн!

– С ведьмой там не всё ясно.

– Да что с ней не ясно-то?! Жечь надо.

– Может, он уже уехать решил? Дело своё сделал и домой!

Мельца вновь вздрогнула. А что, если и впрямь сбежать надумал? Наобещал ей, что увезёт, а сам в душе веселился...

– Ну ты и дурак! А ежель она с углём дружбу водит, как её без атамана жечь?! Может, ей и огонь не страшен...

– Я сумку её видал. Море там вышито и ракушки.

– Ой, а то ты не знаешь, что они это специально могут? Море вышила, а сама как шан-дарахнет!

Все согласно замычали, а Мельца вновь над собой посмеялась. Нет, не бросил. Не такой он, как все. Значит, можно ему верить. Хоть и боязно.

Неожиданно все замолчали. Мельца обернулась, чтобы понять, что стало причиной такой внезапной оглушительной тишины. На пороге показался красавец-ипат. А за его спиной тенью маячила Злотична. На губах – довольная улыбка, глаза горят. Едва вошла, на Мельцу презрительный взгляд бросила.

А Мельца лишь плечами пожала. Ей-то что? Ей уже даже насильник не страшен. Атаман с ним в два счёта расправится. Эта убеждённая странная радость в ней породила. Легко на душе стало, спокойно. Тут и пьяницы горемычные начали в себя приходить. Мельца быстро на стол накрыла. Злотична рядом лениво из стороны в сторону переплывала, только под ногами мешалась.

Кмети набросились на еду, подшучивая друг над дружкой, а Мельца забилась в угол.

– Эй, заполошный?! А ты чего такой смурной? Неужто перебрал вчера?

Вои расхохотались, глядя на Антипа, который трясся мелкой дрожью. Он и впрямь выглядел жалко. Глаза впали, а под ними чёрные тени залегли. Волосы всклокочены, будто кто вырывать пытался. Губы пересохли. Мельца ему квасу холодного налила, но торговый испуганно от неё отскочил и бросил брезгливый взгляд.

Она отступила, не понимая, что происходит. А в душе вновь гадко стало. За окошком громыхнул гром, восстановив, похоже, растроченные силы. Дурное предчувствие одолело. Ох и недобрый нынче день будет...

* * *

Великан с топором следовал за ней по пятам весь день. Он не оставлял её одну ни на минуту, но вид имел такой хмурый и мрачный, что Мельца под конец не выдержала. Нагрузив здоровяка ведрами с водой, она отправилась в кашеварню и заставила его помогать отмывать кухню. Вдвоём они наводили порядок, а снаружи шумел Седой Дождь. Как там атаман?

Один совсем, промок весь, наверное... Неожиданно для самой себя Мельца перестала драить стол и посмотрела на Гирдира, который мастерил новую полку:

– Расскажи про атамана?

Его хмурое лицо сделалось удивлённым. Он помолчал, но в конце концов недовольно буркнул:

– Зачем тебе?

– Антипу же рассказывал. Вот и я хочу знать... Что они за народ такой?

Она и сама не понимала, как осмелилась про такое спросить. Но ей ужасно хотелось узнать о нём всё-всё. Как он живёт? Что ему нравится? Чем занимается в далёком и незнакомом Каменне?

Одним ударом Гирдир вогнал гвоздь в дерево, а потом пристально так на Мельцу посмотрел, изучающе:

– И что он в тебе нашёл?

Мельца лишь удивлённо хлопнула глазами. Она и не знала, что на такой вопрос ответить.

– Ты о чём?

– А ты, что же, и не знаешь? – Кметь как будто с издёвкой на неё посмотрел и взял второй гвоздь.

Мельца отложила тряпку и нахмурилась. Гигант вздохнул, примостил полку на пол и, упершись локтями в колени, покачал головой:

– Он меня из знатной передраги однажды вытащил. Знает, что я за него теперь жизнь положу... Так вот вчера он сказал, что моим же топором меня порубит, ежели не сберегу тебя до его приезда.

Мельца не знала, что и думать. Растерянно мяла в руках мокрую тряпку и испуганно глядела на Гирдира. А он продолжал:

– Он жениться на тебе надумал. Вот уж никогда бы не сказал... Только не обижайся, ты и впрямь дева красивая, но атаманы... У них семьи редко бывают. У нынешних – вообще ни у кого. Да и сам Лютовид... У него с родителями ужасно всё было. Другие атаманы – либо сироты, либо отцы их приводят обучаться, а у него... Пряма на глазах... Не думал я, что он когда-то решится. Да и мог бы нашу, каменнецкую, в жёны выбрать! У нас, знаешь, какие красавицы? Лютовид хоть и жестокий, но на него многие панны из замка засматриваются.

Гирдир, похоже, не осознавал, как ранят Мельцу эти слова. Она и сама знала, что недостаточно хороша... Для кого бы то ни было. Но слышать это от незнакомого человека оказалось больнее, чем говорить самой себе.

– Я читать и писать умею... – Её голос жалко звучал. Будто она выпрашивает у него одобрения.

Гирдир прочистил горло:

– Это... Замечательно!.. Пригодится тебе... Только... Лютовид – он... Понимаешь, многие говорят, что у него сердце давно сгорело, а зола в адамант маленький превратилась. И что он сердце своё где-то прячет... Не будет вам с ним житья хорошего. А с каменнецкой девой они бы славно жили. Ей-то что? Муж пригожий, знатный, при короле нарочитый человек. А ему – ласки женской не хватает, видать. Ну вот как ты его ублажить сможешь? Ты ж ничего не знаешь. Скучно ему с тобой станет. Натешится пару месяцев и опять начнёт за ведьмами гоняться. А ты страдать будешь. Неужто мало натерпелась?

Мельца без сил опустилась на стул. Ей плакать хотелось, рыдать в голос. Она-то и не думала, что атаман её в жёны взаправду взять собирается. Но слышать об этом... Знать, что она не то, что не ровня ему, а жизнь ворожейнику испортить может – было пыткой. Словно вновь кто-то забрался ей в нутро и сейчас безжалостно сжимает рукой несчастное сердце, пока оно не лопнет. Боль была острой и мучительной. Даже тогда, в лесу, она не испытывала подоб-

ных страданий. Урод-насильник мучил её тело, сейчас же могучий кметь разрывал на части её душу. Словно почувствовав её жуткую печаль, в окошко робко постучал дождь.

– Я и не думала, что... Замуж за себя возьмёт... Просто...

Гирдир тяжело вздохнул. Видать, глупости её дивился да наивности.

– Слушай, ну не пара ты ему. Он у нас из знатных, умный, на особом почёте у короля, говорю же. Да за него любая девка удавиться готова. Ты ж ему ни в постели, ни на людях ровней не будешь...

– Я уже поняла! – Мельца не выдержала и зло перебила дружинного.

Дождь рассердился вместе с ней и ещё отчаяннее забарабанил в окно. Сразу темно сделалось, уныло. Со всех сторон набежали тучи. Гирдир чинил старые полки, а Мельца грязь со стола соскабливала. Сколько времени так прошло, она и не знала. Совсем сумрачно стало. Кметь зажёл свечу, неясные испуганные тени заматались по кашеварне в поисках уголка, где можно было укрыться. Время текло ужасающе медленно. Усталость завладевала телом. И ещё отчаянье. Она не хотела, но мысли всё равно возвращались к атаману. К Лютовиду... Как-то так получилось, что он вытеснил собой все её страхи. Заменял ужас на ожидание чего-то пока ещё смутного, но желанного. Он был совершенно другим. Не таким, как пеплицкие, но и не таким, как дружинные. Он отличался ото всех, и Мельце ужасно хотелось понять, в чём его загадка.

О, она знала, что не пара ему, как сказал Гирдир. Единственное место подле него, на которое она могла рассчитывать, – место служанки. И вряд ли бы он взял её замуж, как обещал. И вряд ли бы поцеловал... Но он оставил ей своё кольцо. До его возвращения она будет бережно хранить перстень, гадая, так ли горячи атамановы губы, как и его руки, али нет.

Распахнулась дверь, и в кашеварню влетел запах сырой земли и пыли. На пороге стоял вымокший и перепуганный лучник Ягин. Его круглые от ужаса глаза метались по кухне, то и дело натываясь на Мельцу.

– Где Гирдир?

Что ж это такое приключилось, что глазастый лучник не приметил своего товарища? Гирдир выступил из тени и хмуро посмотрел сначала на Мельцу, потом на Ягина:

– Чего орёшь? Случилось что?

– Случилось! Ведьма сбежала!

Мельца вздрогнула, и оба кмета вдруг повернулись к ней.

– Выйдем! – Ягин махнул в сторону улицы, но Гирдир покачал головой.

– Мне Лютовид её стеречь приказал, – быстрый кивок в сторону Мельцы, – тут говори.

– А что говорить-то?! Помог ей, видать, кто-то. Все три косточки вырыты из земли, окно нараспашку, а её и след простыл. Эти два олуха даже не слышали, как она там хозяйничала! – Ягин злобно сплюнул на пол.

– И что, сама?

– Да почём мне знать?!

– А метла?

– Метла на месте. Сумку ведьмину атаман с собой забрал.

– Искать её надо.

– Надо, конечно! Да как мы её без Лютовиды поймем?

– Да она ж едва живая! Ты ж видал, что с ней атаман сделал!

Гирдир снова взглянул на Мельцу. Она же стояла и боялась шелохнуться. Сбежавшая ведьма – это очень плохо.

– Что мы теперь людям скажем?... – Гирдир, наконец, отвернулся и по-мальчишески взъерошил волосы.

– Да плевать на людей! Что мы атаману говорить будем?! Он же с нами такое сотворит...

– Так, далеко она уйти не сможет. Надобно в разные стороны людей пустить. А Сальбьёрг что говорит? Ты почему с ним не посоветовался?..

Ягин вдруг замялся, бросил на Мельцу странный взгляд и, кажется, немного покраснел.

– Тут такое дело... Они там с вдовой где-то уединились... Короче, найти его не можем. Теперь уж либо его разыскивать, либо ведьму.

– Проклятье! – Гирдир саданул кулаком по стене и тоже посмотрел на Мельцу.

Снова она была чьей-то обузой. Снова мешала. Решение пришло само собой. Быстро и легко:

– Ты за меня не бойся. Ступай ведьму искать. – Мельца уверенно кивнула своему охранителю. – А я отправлюсь к Злотичне. Может, там ипат ваш.

Гирдир неуверенно мялся у порога.

– Ты бы одна не ходила. Темно уже... Да и атаман с меня кожу живьём сдерёт, когда узнает, что одну оставил.

– Я ему не скажу. Вы, главное, ведьму найдите. Со мной уж ничего не случится. Сам посуди, кто в такую погоду из дома выглянет? Не мешкайте, идите.

Видать, её уверенность и кметям передалась. Они благодарно кивнули и так быстро убежали, словно и не было их тут.

Мельца же отбросила грязную тряпку, вытерла руки и задула одинокую свечку. Тут же сумрак окутал всё серой вуалью. Страшно стало. Что-то в этом неверном свете было жутким, угрожающим. Будто враг невидимый где-то притаился и выжидает, посмеиваясь над глупой добычей. Мельца сглотнула и расправила плечи. Не добыча она больше. Рука коснулась кинжала, спрятанного под платьем. Его нежная сталь уже привычно ласкала кожу. Вот её защитник. С ним ничего не страшно.

* * *

С этими мыслями она ступила за порог и тут же оказалась облита холодной сверкающей водой. Зубы застучали, а кожа покрылась мурашками. Наверное, Лето позабыло, что сейчас его пора. Перепрыгивая через лужи, Мельца добралась до калитки и со всех ног припустила к дому Злотичны. Прохуdivшиеся туфли тут же промокли, и теперь в них неприятно хлюпало. Весь хутор вдруг начал казаться Мельце пугающим существом. Свет в окошках нигде не горит. Голосов людских не слышно.

– А-а-а, атаманова зазноба... На свидание к нему бежишь?

Мельца испуганно обернулась. Возле покосившегося забора, что отделял хутор от леса, стоял Антип. Даже в сером сумраке видно было, как безумно его взгляд бежит по сторонам. Глаза дико вращались в глазницах и никак не могли остановиться на чём-то одном.

– Антип? – Мельца осторожно сделала шаг к торговцу. – Что случилось? Что ты здесь делаешь?

– Мне-то можно... А вот ты почему ночью по улице одна разгуливаешь?.. Атамана порадовать решила?

Мельца остановилась, не решаясь подойти ближе. Торговец выглядел как-то странно. Вроде и он, и не он. Лицо Антипа, а в глазах – злоба. И язык заплетается. Пьяный...

– Не знаю, о чём ты, но...

Антип резко её перебил:

– Не будь душой, Мельца! Все заметили, как он на тебя смотрит!

– Антип, ты о чём? – Мельца повторила ещё раз и сощурилась от холодных дождевых капель, которые так и норовили попасть в глаза.

А Антипка её и не слышал будто. Словно Чёрт его телом овладел. Продолжал покачиваться пьяно и размахивать бутылкой.

– Злотична вон всё гадала, чем ты его так приворожила. Неужто щель у тебя какая-то особенная? Чего это атаман тебя ей предпочёл?! Видать, хорошо ты его обслужила!

– Антип! Ты сам не ведаешь, что говоришь!

Мельца бросилась к торговцу, тряхнула его за плечо и попыталась вырвать бутылку из рук. Обидные слова метко попадали в душу, но она пыталась не замечать боли, которую они причиняли.

– Чего ж это не ведаю?! Всё ведаю! Я видал, как он на тебя пялился, когда впервые увидел и лечить собрался. Да не будь меня рядом, он тебя прям еле живую и поймел бы! А в Дауфурнотт?! Это ты, слепая, ничо видеть не хотела! Да он же пока на тебя глядел, видать, в голове пару раз оприходовал прям на столе!

Боль от хлесткого удара укусила ладонь, голова Антипа резко откинулась назад. И Мельца с удивлением поняла, что снова замахивается. Антип нелепо всхрипнул, как лошадь, и уставился на неё:

– Это я, понятно?!

Мельца замерла с занесённой для нового удара рукой. Отчаянье и боль во взгляде торговца были так хорошо ей знакомы, что она бессильно опустила руку. И в самом деле, чего это она?! Как её только ни называли. Подумаешь, теперь вот и Антипка. Старый добрый проходимец...

– Что – ты?

– Это я Черупку отпустил!

Какая ещё Черупка? Не живёт такой в Пеплицах. Мельца замерла. Великий Созидатель... Он же о ведьме говорит! Она схватила торгового за грудки и встряхнула:

– Что ты наделал?!

– Это не она хутор изводила, ясно?! И атаман твой ей поверил!

– Нельзя было её отпускать! Что же ты, глупенький, наделал? – Мельца убрала руки от Антипа и покачала головой: – Это же ведьма... Нельзя...

Она не знала, что теперь делать. Кмети ведьму уже вряд ли изловят. А вдруг мстить начнёт? Она же никого не пощадит.

– Нельзя?! – Антип чуть ли не завизжал. – Ему, значит, мучить её можно?! А мне – отпустить нельзя?!

Он подскочил к Мельце и схватил её за волосы. От боли из глаз выступили слёзы. Она не ожидала от Антипа ничего подобного. Колени подогнулись, когда он грубо дёрнул её вниз:

– Ему, значит, с самим Смертью за тебя торговаться можно, а мне нельзя?!

Он снова потянул за волосы. Мельца едва не упала. Но смогла прохрипеть:

– О чём ты?

– Ах, о чём я? Да о том, что атаман жизнь твою у Смерти выменял. Свои годы за тебя отдал. А ему Смерть годик оставил. Вот так вот, Мельца!

Антип выпустил её волосы и оттолкнул. Поскользнувшись в вязкой жиже, Мельца грохнулась в грязь. Что-то холодное и липкое упало на щёки, заляпало руки. Даже в душу угодило.

– Ты врёшь.

– Не-а, не вру. Я своими глазами всё видел. Можешь сама у него спросить.

Под холодным дождём щёки горячими стали.

– Чем же ты его так проняла, а? Я тебя голой видал – ничего особенного. Черупка краше! А он над ней измывался. Пытал! Ради тебя, слышишь?! Ради тебя! Как теперь будешь отрабатывать свою жизнь, а, Мельца? Ему год жить осталось. Побарахтаешься годик под ним, ноги пораздвигашь. Тебе ведь не привыкать! Только ты смотри, вдруг ему широкие дырки не нравятся?!

Сначала Мельца подумала, что это волк рычит. Выбрался из лесу да на хутор набрёл. А потом поняла, что это она. Рычит и пальцами в глаза торгового впирается. С яростью попав-

шего в капкан животного она вскочила на ноги и набросилась на Антипа, повалила в грязь и... Пальцы сами в кулаки сжались, сами в лицо его врезались. Она упёрлась коленом в его живот и изо всех сил молотила по удивлённому мужскому лицу. Совсем скоро с него исчезли злость, отвращение, презрение. Осталась только нелепая кровавая маска. Даже за шумом дождя было слышно, как хлупает кровь, что текла из его разбитого носа.

– Не смей... Так говорить о нём... И... Обо мне...

Там, где прежде рот Антипа был, теперь зияла чёрная пропасть, у краёв которой пузырилась кровь. Великий Созидатель... Что же она творит?

Мельца отползла от торговца и удивлённо взглянула на свои руки: кровь смешалась с грязью. А дождь, словно ничего и не произошло, принялся омыwać кожу. Пальцы вновь белыми сделались. Только на костяшках – красные ссадины. Вдруг на плечо опустилась холодная ладонь. Ужас прошиб всё тело. Она поняла, кто это. Узнала сразу же. А когда голову подняла, чтобы взглянуть в мерзкое жабье лицо, почувствовала, что из глаз потекли слёзы.

– Что это ты, Антип, Мельцу нашу обижаешь? – Его голос капал слезью. Мельца задёргалась и попыталась отползти. Но толстые пальцы с невиданной силой впились в плечо и надавили, прижимая к земле. Она чуть не уткнулась в грязь лицом. Но рука держала крепко.

– Да взбесилась она! Дура набитая. – Антип возился в грязи, пытаясь встать, и с ненавистью глядел на Мельцу. Дождь и с его лица смывал кровь, но оно стремительно опухало и наливалось жуткими синяками. – Ты б ей настойку какую дал, успокоительную, и к отцу отвёл. А то решила ночью по мужикам шлёпаться!

– Конечно... Я обо всём позабочусь. Никто больше нашу Мельцу не обидит.

Он улыбнулся и рывком дёрнул её вверх, ставя на ноги. Мельца попыталась вырваться, но мерзкая сволочь обхватила её обеими руками за талию. Она оказалась прижата к грузному телу.

– Нет, Антип! Нет... – Мельца потянулась к торговцу, ринулась вперёд изо всех сил. – Это... – Во рту вновь всё сковала паутина, её липкие комья застряли в горле.

Она закашлялась, задыхнулась, но ещё отчаяннее задёргалась. – Отпусти же...

– Не забудь ей капель налить. А то совсем ополоумела. – Антип с опаской взглянул на Мельцу последний раз, подхватил бутылку и зашагал прочь.

Мельца изо всех сил ударила ногой по колену насильника. Тот хрюкнул и, совсем как Антип, схватил её за волосы, дёрнул голову назад, едва не ломая шею.

– Что-то ты больно прыткая стала, девочка моя. – Его вонючее дыхание едва не лишило сознания. – Свидание с атаманом отменяется. Сегодня у тебя встреча со мной... – Он засмеялся и больно сжал ей грудь. – Я тебе покажу, что со мной лучше...

Мельца открыла рот, чтобы закричать, но это отродье словно знало наперёд каждое её действие. Мясистая ладонь грубо зажала рот, и Мельца забилась ещё отчаяннее. Она попыталась укусьть его. Под дождём рука соскользнула с губ, и она тут же впилась зубами в палец ублюдка.

– Ах ты шлюха! – Он размахнулся и ударил Мельцу по щеке.

Рот наполнился кровью. От силы удара она не устояла на ногах и вновь полетела в грязь. От ужаса Мельца даже не почувствовала боли. Бежать... Нужно бежать... Она приземлилась в лужу и уже открыла было рот, чтобы закричать, позвать на помощь, но грузное тело аптекаря склонилось над ней. Его ладони сжались на шее. Мельца вцепилась в его руки, глотая ртом воздух и холодную дождевую воду. Лёгкие рвало на части. Далёкие дома вдруг начали расплываться, превращаясь в мутные мазки краски. Немой Убийца! Ей нужен Немой... Темнота укрыла холодным покрывалом, и Мельца вдруг поняла, что этот бой она уже проиграла.

* * *

Кто-то плакал. Холодные крупные слёзы капали на лицо и стекали по щекам, по шее. Было ужасно неприятно. Озноб пробежал по телу, заставляя дрожать. Несколько слезинок упало на лоб, и пришлось открыть глаза.

Глотнув холодного воздуха, Мельца закашлялась от саднящей боли в горле. В голове гудело – казалось, что это часовенный колокол звонит, не переставая. Она захотела свернуться калачиком, но спину и руки свело от боли. Перед глазами всё плыло, как будто она пыталась смотреть через мутное грязное стекло. Холодная капля упала на нос. Мельца поёжилась, чувствуя, как затекли плечи, руки почему-то онемели и не ощущались. Наконец взгляд немного прояснился. Она сидела на влажной мягкой земле, упираясь спиной в шершавый ствол. Руки были так крепко связаны с другой стороны, что верёвка впивалась в кожу при малейшем движении. Небо светлело, озаря спокойную гладь озера. Мельца огляделась. Влажные заросли осоки подрагивали на ветру. Дальний берег озера, совсем рядом – болота. Здесь её точно не найдут, даже не подумают искать. Говорили, что этот берег Катлы облюбовали русалки, и доброму человеку сюда лучше не соваться. Мельца дёрнулась вперёд, но верёвки больно врезались в запястья, что-то липкое потекло по коже. Великий и милостивый Созидатель! Неужели ей суждено погибнуть здесь?! Она повернула ногу и почувствовала гладкое прикосновение стали. Кажется, Немой Убийца всё ещё с ней. Вспомнился атаман с его опасными серыми глазами. Зачем он уехал? Зачем оставил её одну?! Никто её не мог защитить. Никто искать не будет. Здесь Грас с ней всё что угодно сотворить сможет. Будет держать её тут, пока не натешится. По лицу потекли слёзы, Мельца жалобно всхлипнула. Повторения той ночи она не выдержит. Не сможет... Она ещё раз дёрнулась, но снова напрасно. Проклятый атаман! Стоило ему уехать, и вот что приключилось. Мельца начала озираться по сторонам, глотая слёзы и сдерживая рыдания. Ну уж нет, хватит с неё! Она не сдастся просто так. Всадит Немого Убийцу в тело жирного борова и разделает его на кусочки.

– Проснулась, моя ненаглядная? – Жалобно хрустнула ветка, и из зарослей вышел аптекарь.

Лицо у него было красным, потным. Жабьи глаза сально блестели, рот скалился в гадкой улыбке, обнажая неровные зубы. Мельца вскинула голову, чтобы видеть своего врага. От резкого движения её накрыло тошнотой.

– Ну-ну, что ты волком на меня смотришь? – Он потянулся к Мельце и начал перебирать её мокрые спутавшиеся волосы. – На атамана, небось, не так глядела, да?

Глаза Граса злобно сощурились, превратившись в две мелких бусины. Он размахнулся и вlepил Мельце пощёчину.

– А ну отвечай, тварь! Ложилась под него?

Он замахнулся ещё раз, и от нового удара Мельца клацнула зубами, больно прикусила щёку, затылком стукнулась о ствол. Её вновь замутило. Тошнота смешалась с болью. Грас схватил её за плечи и дёрнул вверх, едва не отрывая связанные руки.

– Говори!

Что-то тёмное нашло на Мельцу. Как будто кто-то ею управлял. С трудом разлепив кровоточащие губы, она чётко произнесла:

– Да. Ложилась.

Очередная пощёчина едва не лишила её сознания. Она старалась представить, что рядом атаман, вселяющий в неё силу и смелость. Он бы разделался с Грасом в два счёта. Но она опять осталась одна. Только кольцо на шнурке скользило по животу. Оно накалилось и было странно горячим.

– Говори, тварь, говори! Чем вы с ним занимались?

Он вцепился в волосы, больно потянул. Жабье лицо оказалось слишком близко. Вонь из его рта вызвала новый рвотный позыв. Она должна выстоять! Должна! Чтобы потом всадить Немого Убийцу в его мерзкую рожу. Он хочет услышать, чем она занималась с атаманом? О, Мельца ему расскажет... У неё богатая фантазия. И она с удовольствием поделится ею с Грасом. Сведёт эту скотина с ума.

– А чем занимаются мужчина и женщина, а, Грас? Не знаешь? Откуда ж тебе знать... Ты только и способен, что силой принудить... – Она уже с трудом говорила. Язык еле ворочался во рту, губы распухли, щёки болели. – А атаман настоящий мужчина. Как он ласкает... Я криков сдержать не могла – так хорошо с ним было.

– Ах ты, дрянь!

Грас снова рванул её вверх, обдирая кожу рук о шершавый ствол. Тонкая ткань не защитила спину. Но эта боль была ничем по сравнению с тем, что ей ещё предстояло испытать – Мельца это знала. Главное – заставить его развязать руки.

– Я лучше! Ясно тебе?! Лучше! Со мной тебе хорошо будет! Закричишь ещё не так! На весь лес вопить будешь! Что-то я не слышал твоих криков, когда ты под ним барахталась!

Как рыба на берегу, Мельца открывала и закрывала рот, пытаясь сделать вдох. Внезапно Грас отпустил её и до боли сжал обеими ладонями грудь. Мельца сдержала крик. Превозмогая отвращение, она громко рассмеялась. Грас начал шарить руками по её животу, каким-то чудом не натыкаясь на кольцо.

– Давай, тварь! Рассказывай, что он делал?

Мельца замерла, боясь даже дышать. Она должна была заставить Граса развязать ей руки. Должна была...

– Тебе далеко до него... Ты... Всё равно так не сможешь...

– Говори!

Она пыталась придумать хоть какую-то вразумительную ложь, но на ум ничего не шло. Что заставит Граса отвязать её? Лишь желание повторить то, что сделал атаман... И тут ей вспомнился подслушанный давным-давно разговор. Перед свадьбой к Багрянке пришли подружки и рассказывали, как ублажить мужа. Многие она тогда узнала от благочестивых с виду пане. Всю ночь слушала. Грас сжал её подбородок:

– Говори же!

Мельца посмотрела прямо в его водянистые глаза. Они горели безумием. Она постаралась вспомнить атамана. Как смотрел на неё, как прижимал к себе, бережно и крепко. Какой горячей была его кожа... И губы его так близко... Тогда ей ни тошно, ни противно не было... О, нет. Ей хотелось, чтобы он поцеловал её. Прикрыв глаза, Мельца принялась фантазировать. Губы растянулись в мечтательной улыбке. Было больно, но, чтобы вывести этого ублюдка из себя, она готова терпеть сколько угодно.

– Хорошо... Я расскажу... Это было в кашеварне. После того, как ведьму поймали. Он ко мне пришёл... Приказал платье задрать и спиной повернуться. От него пахло дорогой кожей и кедровой смолой... – Мельца вспомнила аромат атамана, свободу, которую он с собой нёс. Она справится. Обязательно справится... И никто больше не посмеет сказать, что ворожейнику она не пара.

– Дальше! Что было дальше?! – Грас брызгал на неё слюной и дышал смрадным духом. Но эта вонь не могла перебить дух кедра, кожи и шалфея.

– А потом он ласкал меня, запрещая поворачиваться и смотреть... – Мельца в упор взглянула на ублюдка. – А ты так сможешь, Грас?

– Ах ты, шлюха! – Он снова ударил её.

Мельца уже почти не ощущала боли. Лицо опухло. Во рту – привкус крови.

Но вдруг она почувствовала свободу. Лезвие скользнуло по рукам, рана кожу. Грас перерезал верёвки и швырнул Мельцу на землю. Она не удержалась, упала. Казалось, что руки горят, их будто тупым топором отрубить пытались. Даже пальцами пошевелить не получалось.

На помощь пришёл дождь. Неожиданно с неба хлынул холодный поток, встав отвесной стеной. Ветер начал швырять во все стороны острые озёрные волны, будто мешал воду в котле. Ледяные струи немного уняли пожар в руках.

– Вставай! Вставай, сука! Спрашиваешь, смогу ли? Задирай платье!

Мельца кое-как поднялась на ноги. Она ловила губами прозрачные капли, представляя, что это тот самый дождь, который шёл вчера. Это он намочил атамановы волосы, превратил его ресницы в стрелы. Она почувствовала, как наполняется силой.

Мельца нагнулась, ухватила подол и очень медленно начала его поднимать, обнажая ноги. Ещё чуть-чуть – и покажется Немой Убийца. А уж он-то свою цель найдёт. Грас улыбался, следя за её движениями. Улыбка придавала ему ещё большее сходство с жабой. Мельца прижала руку к бедру и обхватила гладкую рукоять кинжала. Подол упал вниз, а лезвие Немого Убийцы блеснуло, будто не могло дожидаться, когда вражеской крови испробует. На лице Граса сначала удивление мелькнуло. Потом непонимание. А затем такая жуткая злоба, что Мельца задрожала.

– Хитрая дрянь... – Грас выставил перед собой руку с ножом, которым перерезал верёвки. – Играть со мной вздумала?

Он рванул вперёд, взмахнув своим ножом. Мельца попыталась отвернуться. Лезвие вонзилось в руку, но кинжал она не выпустила. Грас повалил её на землю. В отчаянной борьбе они скатились к самой воде, туда, где отчаянно плескались волны. Аптекарь кряхтел и пытался добраться до её горла. Мельце удалось выпростать руку из-под его тела. Со всей силы она всадила кинжал куда-то в живот насильника. Но он, похоже, даже не заметил этого. Она же попала... Попала! Почему он продолжает шарить руками по её телу? Почему задирает подол и отвратительно дышит в шею?

Мельца отчаянно сопротивлялась. Что есть мочи она колотила кулаком по отвратительной роже, но он только смеялся в ответ. Грас прижимал её лицом к земле, разрывал платье. Спины коснулись ледяные потоки дождя. В рот забились грязь и трава, мешая дышать. По лицу снова потекли слёзы, горячие, жгучие.

– Лютовид... Лютовид...

Она шептала его имя, как молитву Созидателю, звала на помощь. Но он не приходил. И уже не придёт... Она это поняла, когда Грас сорвал остатки платья и перевернул её на спину.

– Это что ещё такое?

Он схватил атаманово кольцо и попытался сорвать со шнурка. Мельца не понимала, откуда взялись силы. Она нащупала обронённый кинжал и крепко сжала, подавшись Грасу навстречу. Кольцо она ему не отдаст. Ни за что!

Но, похоже, атаман оставил ей защитника вместо себя. Мельца не поняла, что произошло, когда аптекарь внезапно громко закричал и прижал к груди руку, которой сжимал кольцо. Она пыталась подняться на ноги, не выпуская Граса из виду. Кольцо раскачивалось на шнурке, и Мельца сжала его, питаясь силой и уверенностью. Вот только там был лишь камень-сердце в серебряной оправе. Змея не было.

– Сними его, сука! Сними!

Грас метнулся к ней, взмахнув рукой. Мельца вскрикнула от ужаса. Его ладонь обвивала небольшая серебряная змейка, которая светилась, словно раскалённая. Она с дикой скоростью опутывала кольцами толстую руку, её тело стремительно удлинялось. Там, где змеиный скелет касался мужской кожи, оставались алые волдыри. Мельца удобнее сжала Немого Убийцу. Она не промахнётся. Нет! Перережет этому ублюдку глотку. Она замахнулась, но Грас её опередил. Сбил с ног, и Мельца полетела прямо в холодную озёрную воду. Прозрачная гладь жадно сомкнулась над ней, лишая возможности дышать.

Мельца раскрыла рот, рванулась вверх, но обожжённой рукой Грас вдавил её в илистое дно.

Она забилась, стараясь скинуть с себя тяжёлое тело, вдохнуть хоть немного воздуха. Грас пытался втиснуться между её ног, сжимая ладони на её шее. Взметнув руку, в которой всё ещё был зажат Немой Убийца, Мельца вслепую взмахнула кинжалом. Он ведь должен достигнуть цели. Должен! Внезапно аптекарь её отпустил, и Мельца с громким хрипом вырвалась из-под воды. Перед глазами плыло, но ей удалось рассмотреть удивлённое лицо Граса – его мерзкую рожу пересекала длинная кровавая дорожка. Она расплосовала его губы, и казалось, что их не две, а четыре. Правый глаз затёк кровью – его даже не было видно. Наверное, боль пришла не сразу, потому что сначала он просто стоял, смотрел на неё и молчал. И лишь спустя несколько секунд противно заверещал и бросился к ней. Мельца успела отпрыгнуть. Но этого оказалось недостаточно. Живот кольнуло болью, которая вспыхнула огнём и разлилась по всему телу. Она опустила глаза и увидела обожжённую, покрытую волдырями руку, которая крепко сжимала грязную рукоять. Грас выдернул нож из её живота и с диким оскалом всадил тупое лезвие ещё раз. Мельца с трудом втянула в себя влажный воздух, надеясь, что он будет пахнуть ворожейником. Но он пах лишь сыростью и землёй. Она упала в холодную воду бурлящего озера. Перед глазами прозрачными алмазами мелькали дождевые капли, и только серое, как атамановы глаза, небо, оставалось неподвижным. Она вспомнила его пылающий огнём взгляд и горячее обжигающее дыхание. Даже воспоминание о Лютовиде согревало. Он просил дожидаться, а она не смогла...

Маленький серебряный змей соскользнул с руки убийцы и упал в холодную траву. Его тонкое тело немисливо извивалось в стремлении быть со своей новой хозяйкой. Скользнув в воду, змей добрался до той, кому теперь навечно принадлежало атаманово сердце, взобрался на покрытый ранами живот и свернулся клубочком вокруг чёрного алманта. Камень загорелся и начал пульсировать, как настоящее человеческое сердце. Он бился, разгораясь всё жарче, в отчаянной попытке прогнать холод и согреть свою владелицу.

* * *

Смерть собирал подати. Он парил над спящими домами, бродил по притаившимся лесам и придирчиво осматривал шепчущие воды. Его унылая свита безропотно таскалась следом, раздражая своим бесцветьем. Да и сам он всё больше походил на умертвие. Ссыхалась и истлевала кожа, редели волосы, безжалостно скрипели кости, и даже один глаз покинул глазницу. Ну, ничего. Уже совсем скоро явится в этот мир Осень-Туманница – его пора. Начало увядания. Тогда он скинет старый прохудившийся плащ и ляжет во влажную, пропитанную дождями землю. А с приходом нового рассвета восстанет из своей могилы. Кожа его будет соткана из лунного света, глазами станут осенние звёзды, багряной листвой окрасятся губы. Пауки сплетут сияющую паутину для волос, и туман поделится белоснежным саваном. Неслышно он будет ступать по умирающей земле, и там, где пройдёт, раскинется мох. Мёртвая челядь напоит его росой, собранной с последних зелёных трав.

Он будет прекрасен и совершенен. И никто не сможет противиться этой красоте. Мужчины будут завидовать его стати и мощи, а женщины вожелеть его хладное тело. Они пойдут с ним в Мёртвое царство, чтобы пить из хрусталя одобренную специями кровь и угощаться покрытыми гнилью и плесенью яствами. Он сам будет играть на своей чудесной флейте, а поданные пустятся в пляс и сложат песни о его милости.

Ну а пока он с каждым днём становится всё безобразнее и уродливее. Глупые люди боятся идти с ним, страшась неприглядного облика. И ему приходится с остервенением оголодавшего зверя бросаться на добычу, не уговорами, так угрозами заставляя идти следом.

Вот и сейчас он рыскал по спящим землям, собирая причитающееся ему по праву. Заслышав стон, который звучал даже слаще его чарующей флейты, Смерть устремился к источнику. От реки пахло болью и кровью – пьянящая смесь. Озаряя хмурую ночь сиянием, Смерть нашёл свою прекрасную добычу. О, как же хороша она была! Как желанна. Волосы – точно червлёное серебро. Кожа – тончайший фарфор. Губы – Смерть уже видел, сколько поцелуев они ему подарят. Знатная невеста попадёт в Мёртвое царство. Но что-то знакомое было в пышных соблазнительных изгибах. Чёрной тучей он навис над утопленницей и всмотрелся. Ба! Да это же зазноба его верного атамана. Прямо и тянет её в Мёртвое царство – неохота, видать, на Белом Свете жить-поживать.

– Что ж ты, Лютовид, плохо стараешься? Атаман из тебя хороший, а любовник, видать – никакой, раз девица твоя второй раз ко мне сбегает...

Задумчивый шёпот Смерти не нарушил ни быстрого течение холодных вод, ни сплетни листвы над головой. Даже Ветер не остановился посмеяться над его шуткой, а деловито полетел дальше – разносить семена да подгонять облака.

– Забрал бы я тебя с собой, да атаману пообещал век тебя не трогать, панна. Жить тебе придётся. На Белом Свете время коротать, а в не в моих хоромах.

Полюбовавшись напоследок серебристыми прядями, Смерть взмыл над лесом. Свита послушно последовала за ним. Остаток ночи ему предстояло голодным волком рыскать по своей вотчине, искать слуг верных. Столько забот, что о панне он сразу же и позабыл.

Глава II. Волшебный лёд и синее пламя

Там, где гора Сосновая пронзает макушкой небо, раскинулись владения Ледяного Князя. Пушистые облака скрывают от людских глаз высокие сосны, на стволах внеже¹ видны очертания лиц человеческих. Когда-то отчаянные путники пытались взобраться сюда, но были жестоко наказаны Ледяным Князем за дерзость. Бессмертный повелитель льдов пронзил нагледцов ледяным копьём. Кровь, коей сочились их раны, впиталась в мёрзлую землю, согрела её и наделила живительной силой. Корни засохших сосен вытянули из земли чудесную влагу и вновь начали расти. Но расплатой за жизнь стали застывшие в агонии лики тех, кто даровал им свою кровь. На высоких стволах навсегда замерли в отчаянном крике гримасы павших воев. Морищинами стала треснувшая кора. Глаза выточили насекомые. В распахнутые рты обратились дупла.

Лес этот окружает подступы к замку, где правит Ледяной Князь. Вход в него охраняют двенадцать могучих каменных исполинов. Ростом они самым высоким соснам равны и так же неподвижны. Но в час, когда вторгнется враг во владения Князя, сойдут они со своих мест и дадут отпор.

Вот где живёт Ледяной Князь. В жёнах же у него сама Зима Лютыня ходит. Прекрасна она. От красоты ее глаза слепнут. Кожа белее снега. Волосы – чёрное зимнее небо. Губы – алые, точно ягоды калины. Глаза – осколки льдинок острых. В волосах – иней серебрится, адамантами белыми переливается. Платье её из снежинок пушистых соткано. Но вот беда – холодна она. Не согреет Князя теплом, не подарит поцелуй горячий. Прикосновение её губ – точно поцелуй покойника, ледяной и сухой. И тогда покидает Ледяной Князь свои чертоги и отправляется к людям.

Многих девиц он обесчестил, многим судьбинушку сгубил. Развлёкся ночью выюзной, да отправился восвояси, жену дожидаться. А девица понесла. Ребёночка выносила, родила. Чудесный у неё сынок. Глаза – синие-синие, как кусочки льда. Высок, статен, силен. Да к тому же ворожкой необычайной наделён – всё, что ему вздумается, в лёд обратить может. Вот каковы сыновья Ледяного Князя.

А Зима Лютыня о мужниной измене обязательно проведаёт, мать молодую изведёт. Однако ж дитя почему-то не тронет. Может, из жалости. А может, и ещё почему. Да только призывает Ветры Буйные и даёт им наказ – качать детскую колыбельку, убаюкивать малыша.

Вьюги ему песни поют, а снежинки сказки сказывают... Много сыновей Ледяного Князя по Свету Белому ходят. А узнать их можно по глазам – осколкам синего льда.

Речи о Северном кряже

* * *

Нежные прохладные ладони касались его груди, скользили ниже, к животу. Розовые, как вишнёвые лепестки, губы ласково целовали, а зубы прихватывали кожу, заставляя его вздрагивать и приподнимать бёдра вверх. Он жаждал ощутить её губы на каждом участке своего тела. Хотел узнать, каково это – быть любимым ею, получать её горячие искушающие ласки и знать, что дальше будет ещё горячее. Она была совершенно дикой и необузданной, заставляя его лежать неподвижно, пока сама истязала влажными касаниями губ прямо над поясом. Он всё же не удержался. С тихим стоном обхватил ладонью её затылок, другой рукой

¹ Внеже – который.

принялся судорожно развязывать инжурок итанов. Его сжигало в огне. Желание заставляло чаще дышать, но и рождало странный страх, что он может не успеть... Что всё может закончиться прямо сейчас, и продолжения не будет. Пальцы запутались в её длинных серебряных прядях, как в ловушке. Да... Он давно понял, что она поймала его в капкан, из которого не выбраться. Оставалось лишь мучиться и наслаждаться этим пленом. Горячим влажным пленом её губ и рта. Справившись с брюками, он надавил на её затылок, заставляя наклониться ниже и подарить ему эту запретную ласку.

– Умоляю...

Холодный ветер подхватил его мольбу и швырнул в сторону, разметаив длинные локоны Мельцы по груди. И вдруг всё изменилось. Она подняла голову, и лукавый доселе взгляд изменился. Голубые, как море, глаза, сделались равнодушными и тусклыми. Вплетённые в венок розы покрылись гнилью. Кожа её – нежная и будто светящаяся – посерела. Чудесное серебро волос превратилось в седину. На него смотрела прекрасная, но холодная Мельца, в одно мгновение обернувшаяся ведьмой.

Она оскалила зубы и запустила длинные когти в его грудь. Он дёрнулся, чувствуя, как из ран выступает горячая липкая кровь. Мельца кромсала его кожу, а он и сам понять не мог, как в руках оказалась сабля. Привычным движением он вогнал изогнутый клинок в женское тело. Взгляд голубых глаз удивлённым сделался. Из приоткрытого рта толчками потекла тёмно-вишнёвая кровь. Она пузырилась в уголке губ и по подбородку стекала на грудь.

Он понял, что наделал... А Мельца рассмеялась. Её смех звучал отовсюду, но лицо холодным осталось, будто фарфоровая маска надета. Он набросился на неё, как дикий зверь, тряся за плечи и пытаясь зажать ладонями рану.

– Я... Я... Я вылечу тебя... Слышишь?..

Ветер трепал её поседевшие волосы и бутоны роз в венке. Кровь на губах казалась вязкой жижей.

– Это ты убил меня. Ты... Когда уехал.

Налетевший ураган разорвал в клочья истлевшие цветы, бросил покрытые гнилью лепестки ему в лицо. А в следующее мгновение Мельца превратилась в золу.

* * *

Холодная капля упала на щёку. Лютовид резко сел, чувствуя, как больно колотится в груди сердце. Ощущение было такое, словно его и впрямь раскромсали на куски. Пот пропитал одежду, смешался с дождевой водой, и теперь эта влага ледяной коркой покрывала кожу. Неохотно приближался рассвет.

До Фьянилла было дней пять пути. Лютовид надеялся поспеть за три. Он гнал бы Ветра без остановок, но коню, в отличие от него, нужен был отдых. Два рассвета атаман мог не спать, а ежели понадобилось бы, то и больше. Но если он Ветра до смерти загонит, то раньше срока ему точно на хутор не прибыть. Лютовид вытер ладонью взмокшее лицо. На лоб тут же упала ещё одна холодная капля. Переплетение узловатых веток над головой было таким плотным, что дождь пробирался сюда с большим трудом.

Следовало ещё немного отдохнуть, и Лютовид даже улёгся обратно, но как теперь уснуть? Возбуждение до сих пор не покинуло тело, сковывая напряжением и болью. Перед глазами стояла Мельца. Казалось, что ступает она неслышно босыми ногами по земле влажной. Приподнимает подол платья, чтобы не испачкался. Бледная кожа её во тьме светится. Длинные косы двумя змеями по плечам вьются. Широкой белой лентой лоб украшен, а с неё жемчужные рясны² на грудь спускаются.

² Рясны – украшения-подвески. Крепятся с двух сторон к женскому головному убору или ленте-очелью.

Лютовид закрыл глаза и несколько раз глубоко вдохнул прохладный воздух. Она преследовала его повсюду. Стоя под крышей кашеварни и умоляя дождаться, он понял, что не будет теперь места, где он сможет спрятаться от неё. Им завладевали странные неведомые чувства. Он никогда ни в ком не нуждался. Ни один человек не был ему необходим. Так почему же сейчас с ним происходит всё это?! Почему снятся такие сны? Почему он просит едва знакомую панну дождаться его и, как юнец, мечтает об их будущем? Почему он представляет, как заживут они вдвоём, как будут каждый рассвет проводить вместе? Почему оставил ей кольцо, с которым никогда не расставался?

Что же в ней такого было? Какой властью над ним она обладала? Лютовид перевернулся набок и со злости ударил кулаком по земле. Он никогда ещё не испытывал возбуждения, подобного тому, что нахлынуло на него, когда Мельца рассматривала кинжал. Вид её ног, прикрытых тёмными чулками, теперь будет в его памяти вечно. В первый раз он возьмёт её именно так – на ней не будет ничего, кроме этих чулок и Немого Убийцы. Осознание того, что лезвие, которое касалось его кожи, теперь прижимается к её, зажигало кровь диким пламенем.

А то, как она предложила себя ему, думая, что он лишь за этим пришёл?! В тот момент Лютовид проклял себя. На секунду, на короткий миг, он едва не поддался искушению. Однако ж секунды этой хватило, чтобы представить, как он толкает её к каменной стене кашеварни, как она обвивает ногами его бёдра, насаживаясь на жаждущую оказаться в ней плоть.

Это сумасшествие... Да что же с ним такое?! Резкая боль в ладони немного отрезвила. Ещё одно проклятье, про которое он и позабыть успел. Лютовид сел и принялся разматывать грязную тряпицу. Рассвет потихоньку выползал из своего укрытия, нехотя и немного трусливо прогоняя ночь. Но бледного света вполне хватило на то, чтобы разглядеть ладонь. Два прокола затянулись багровой коркой. Вены почернели. А на коже проступил узор...

Лютовид расстегнул пуговицу на манжете и закатил рукав. От увиденного его вновь бросило в жар. Словно насмехаясь, ухнул филин. От ладони, минуя запястье и стремясь к сгибу локтя, вился чёрный, будто нарисованный углём, грубоватый рисунок. Торчащие во все стороны чешуйки брали своё начало у двух круглых ранок, изгибались волной и превращались в чётко различимую змеиную морду. Глаз и ноздрей не было, но в выделяющейся под кожей почерневшей вене легко угадывался змеиный язык. Всемиловитый Созидатель! Ведьмино проклятье укоренилось в его теле и, похоже, стремилось сократить и без того малый срок, отмеренный Смертью.

Лютовид снова замотал ладонь, чтобы скрыть проступившее на руке изображение чёрного змея. Небо немного порозовело. Кошмары убирались восвояси, напуганные грядущим рассветом. Пытаться уснуть более не имело смысла. Собравшись, он оседлал Ветра и отправился в путь. Вновь зарядил дождик, на этот раз мелкий, почти морось. Он напоминал о Мельце. О том, как она стояла под крышей, как платье липло к её фигуре, как в сумерках белело испуганное лицо. Лютовид старался гнать эти воспоминания, но они, похоже, были намного сильнее, чем его желание от них избавиться. Его тянуло к Мельце с чудовищной невероятной силой, будто они были привязаны друг к другу. И сейчас, удаляясь от хутора, он безжалостно натягивал верёвку. Вот только она не рвалась, а тугой петлёй сжималась вокруг его шеи. Ещё чуть-чуть – и послышится знакомый хруст позвонков, и от него останется лишь мёртвое тело у ног пеплицкой панны.

Во Фьяниль Лютовид прибыл на закате, едва не загнав Ветра. Дом кузнеца нашёлся почти сразу. Из кривой трубы валил густой дым, и по всей округе разносился стук молота. По двору туда-сюда сновала чумазая девчонка с тонкой косицей.

Лютовид подошёл к забору. Девчушка его сразу же заметила и, ничуть не страшась, побежала, глядя огромными детскими глазницами.

– А вам кого? Батьку позвать? Конь охромал? – Она с любопытством рассматривала уставшего Ветра и богатую конскую упряжь.

Лютовид кивнул:

– Позови.

Девчонка скрылась в кузнице. Минуту ничего не происходило, а после показался сам кузнец. Был он огромным детиной, взмокшим от жара печи и покрытым копотью. Сначала взгляд его светился любопытством. Которое сменилось хмурой настороженностью, едва он заметил одежду Лютовиды и искусную упряжь. Вместо приветствия кузнец неохотно буркнул:

– Чего надобно, путник?

– Тебя Триггви кличут?

– Ну, меня.

– Разговор к тебе есть.

Триггви с опаской глядел на неожиданного гостя. Сразу было видно, что человек этот нездешний. Добротный кафтан, на все пуговицы застёгнутый, знатное оружие, а уж камни, что конское снаряжение украшали... Их продай, так весь хутор век вольготно жить будет. И смотрит гость свысока, надменно, хоть и меньше самого Триггви ростом. Что-то недоброе, опасное в пришлом кузнеце видится. И понимает Триггви, что не справиться ему со странным гостем, коли тот драку затеет. Хоть силён кузнец, а всё ж видно, что смуглый кметь сильнее. Отослав дочку от греха подальше, Триггви с опаской на мужика посмотрел, с недоверием.

– Что за разговор? Коня подковать надобно? Али оружие какое?

Он и сам знает, как глуп вопрос. Скаун хоть и устал, да видно, что не хром. А у воя две сабли по бокам – уж явно оружия ему хватает.

– Да нет, не поэтому я здесь. – Тянется пришлый к сумке седельной, открывает, богатый плащ из неё достаёт. – Вот приехал вещь твою вернуть.

Плащ этот красив. Из серебристой парчи шит, вышивкой украшен. Триггви плащ сразу узнал. И видел он, что кметь это понял. Но решил кузнец до конца идти:

– Не моё это. Мне чужого не надо.

Ох и злющими глаза у путника сделались. Острыми, холодными. Совсем как клинки, которые Триггви куёт в своей кузнице. Алые царапины лицо мужское в жуткую маску превращают. А голос – точно змеиное шипение.

– Я всё знаю, Триггви. И о дочери твоей, и о ведьме. Черупка тебя до сих пор добрым словом поминает. – Тонкие губы его растягиваются в улыбке, и кажется, будто волк скалится.

Триггви пот холодный со лба вытирает. Помнит он отродье чёртово – вовек не забудет.

– Что ж ты, кузнец, о ведьме в столицу не доложил? Позволил ей и дальше зло творить. Это преступление... Выходит, ты – пособник ведьмин.

Только сейчас Триггви понял, кто перед ним. Проклятый атаман... Из самого Каменна.

– Не по своей я воле, пан... – Тяжело Триггви дышит, запинаясь. – Дочка у меня одна... Умирала она... Не очухалась бы до твоего прибытия.

Атаман странно на Триггви смотрит, задумчиво.

– Ты мне лучше скажи, кто дочь твою на ноги поставил. А я, так и быть, забуду о твоём проступке.

– Лекарь! Лекарь пришлый вылечил! – Триггви всё готов рассказать – лишь бы ни дочь, ни его не тронули. А то ж совсем сиротинкой останется. Кому она нужна будет? Загубят девчонку.

– Что за лекарь? Откуда взялся? Звать как? – Голос у атамана суровый, слова выплёвывает – что ядом жалит.

– Не знаю я... Имя спрашивал, да он не сказал. Денег ему предлагал, серебра. Но он только плащ взял. Сказал – зазнобе его понравится...

Атаман аж зубами скрипнул. Триггви и сам не понял, как так получилось, да только атаман в его волосы рукой вцепился, дёрнул вниз – кузнец чуть не свалился. Ну и силища в нём!

– Всё рассказывай!

Триггви задрожал как ребёнок, даром что здоровенный детина. Против атамана ему не выстоять. А этот дак вообще – лютый, жуткий. За дочку страшась, за себя, Триггви быстро зататорил:

– Его Багрянка привела – жинка Вальбьёрга-златаря. Сказала, что знакомец её давний, лекарь знатный, помочь сможет. Ну я и согласился. Он травки какие-то намешал, зелье сварил, доня моя и оклемалась вмиг. Я ему всё что угодно предлагал. Деньги, серебро, оружие, мож, какое. А он только плащ мой попросил. А мне жалко, что ль, доброму человеку? Вот и отдал!

Атаман выпустил Триггви. Глаза его жутко сверкнули, душу на части разрезая.

– Как он выглядел?

Триггви вспомнил спасителя. Уж больно неказист он был. Но даже перед атаманом не хотелось очернять лекаря.

– Человек как человек.

С тихим шелестом, будто змеиное тело скользило по листве, атаман вытащил длинную изогнутую саблю. Триггви успел подивиться красоте клинка и ловкости, с которой атаман достал его из ножен. Но сверкающее лезвие коснулось его шеи, и мысли вмиг трусливо разбежались.

– Говори, как он выглядел. А иначе дочь твоя сиротой останется.

Капли пота потекли по лицу. Или то слёзы были?.. Триггви сглотнул. Ради дочери он и доброго лекаря предать сможет.

– Грузный он... Одутлый. Глаза маленькие... Чем-то на... На жабу похож...

Лезвие исчезло ещё быстрее, чем появилось. Триггви моргнул – а сабля уж в ножнах. Чудно и страшно.

– Дом златаря где?

Тут уж кузнец не выдержал. Головой замотал. Лицо совсем мокрое – понял, что плачет.

– Не тронь его... Прошу... Багрянка на сносях... Ей нельзя...

Лютый атаман его уже не слушал. Развернулся, взял коня за уздечку и быстро зашагал по дороге.

* * *

Дом златаря нашёлся без особого труда. Как и в любом городе или хуторе, он расположился неподалёку от кузницы, чтобы мастера могли в случае чего обратиться друг к другу за помощью или нужным инструментом. Сразу было видно, что люди тут живут не бедные.

Лютовид привязал поводья к калитке, а сам уверенно шагнул дальше и громко постучал в дверь. Открыли почти сразу же. На пороге стояла высокая черноволосая пани. Это её красавицей в Пеплицах считают?! Тонкие черты лица были странно заострены, от чего старшая старостина дочка напоминала лисицу. Вся она была угловатой. И даже выпирающий живот не делал её нежнее и мягче.

– Здравствуй, хозяйка. – Лютовид вежливо поклонился и нацепил на лицо маску уставшего путника.

С жадностью глупой рыбёшки Багрянка тут же проглотила наживку.

– И тебе не хворать, странник.

Её маленькие тёмные глазки быстро осмотрели всю его фигуру. Лютовид не сомневался: и дорогой кафтан оценила, и оружие заприметила, и даже на Ветра взглянуть успела.

– Муж занят, но ежели я помочь могу чем-то... – Она игриво опустила ресницы и закусила губу.

– А я к тебе, хозяйка, пришёл, а не к мужу твоему.

Багрянка удивлённо вскинула брови.

– Ты кто таков? И что надобно? – Она сразу же посуровела, взгляд настороженным стал.

– Лютовид я, жених Мельцин. А надобно мне дело одно с тобой обсудить.

Багрянка нахмурилась и взглянула на него так, словно он посмел господарем северокряжским назваться.

– Брехня всё это! Мельцу судья пеплицкий в жёны взять хочет. А тебя в Пеплицах отродясь не было.

Лютовид видел – от одного упоминания о сестре на Багрянку злоба нахлынула.

– А я не из Пеплиц. Ты пусти меня всё же. Надо обсудить, что за знакомства опасные ты водишь.

Лютовид оттеснил её в сторону и прошёл в дом. Пока удивлённая и настороженная Багрянка пыталась понять, что ему известно, Лютовид ступил в просторную кухню. Он выдвинул стул и уселся, вытянув ноги вперёд. Держась рукой за живот, Багрянка последовала за ним и села напротив. Вид у неё был сердитый и недовольный.

– Кто ты такой и что тебе нужно? – Она откинула за спину длинные волосы, не забыв при этом выпятить вперёд грудь.

Лютовид оперся локтями о стол:

– Я же уже сказал: Лютовидом меня звать. Жениться на твоей сестре хочу.

Багрянка криво ухмыльнулась:

– Что ты мне тут рассказываешь? Мельца за Бергруна просватана. Да и он на неё позарился лишь потому, что подходящих по возрасту девиц нет. Ты сестрицу мою хоть видал? Да на неё ни один мужик не взглянет. Тем более такой, как ты... – Её голос стал тише.

Наверное, Багрянка считала, что с помощью лести и томного голоса сможет ему понравиться. Лютовид тяжело вздохнул. Он уже подозревал, кто сотворил насилие, но ему нужно было подтверждение от Багрянки. И чем скорее он его получит, тем быстрее сможет вернуться к Мельце.

– Такой, как я, пани Багрянка, может тебя на виселицу привести за помощь колдуну.

Багрянка испуганно вдохнула и прижала ладонь к животу.

– Что ты такое говоришь?

– Кто дочку Тригтви вылечил?

– Я... Я... Не знаю ни о чём.

Лютовид прищурился. Багрянка, как и Черупка – до последнего будет молчать о своих делишках. Если её не разговорить... Помощь пришла неожиданно. Дверь скрипнула, раздались шаркающие шаги, и на пороге появился лысый толстячок. Его щекастое лицо было румяным, как у младенца.

– Багрянка, а что ты меня не встречаешь? – Тут его взгляд наткнулся на Лютовид, и удивление вмиг сменилось страхом. Толстячок сглотнул слюну и легонько вздрогнул.

– Пан атаман? Ч-чем об-бязаны?

Видимо, златарь встречал атаманов, потому так быстро признал в Лютовиде одного из них. Багрянка при этом побледнела и тихонько вскрикнула.

Лютовид встал, поклонился:

– Здравия тебя, Вальбьёрг. Меня Лютовидом звать. Колдуна одного ищу. Он ведьмам пособничает. – Лютовид на несколько мгновений замолчал, чтобы слова его больший эффект произвели. – Жена твоя с ним, оказывается, знакома хорошо.

Златарь тут же бросился к ней. Та застыла на своём месте и не шевелилась.

– Багрянка, ты что? Какой колдун?

Лютовид едва удержал усмешку. Что за люди?! Пришлому незнакомцу поверил, беременную жену уже подозревает. Впрочем, для ворожейника всё складывается как нельзя лучше.

– Да, вот такие дела. – Лютовид покачал головой, наблюдая за суетливым мужичком и его окаменевшей женой. – Придётся вас в Каменн забрать, чтобы всё выяснить.

Багрянка наконец отмерла и замотала головой:

– Зачем в Каменн? Нам не нужно в Каменн! Нельзя...

– Ну а как же? Там выяснять всё будем. – Лютовид прикинулся добрым простачком. – Мне бы этого никак не хотелось. Вы ж знаете... Ни хозяйку молодую, ни дитя вашего не пожалеют... – Он притворно тяжело вздохнул и опустил глаза.

Златарь прыгал вокруг жены, тряся её за плечи и дёргая одежду.

– Как же так, Багрянка?!

Он что-то бормотал, суетился. Пани не выдержала и хлопнула ладонью по столу:

– Замолкни!

Толстячок удивлённо подпрыгнул и захлопнул рот. Багрянка повернулась к Лютовиду:

– Что знать хочешь?

– Я уже сказал что: кого к кузнецу водила?

Багрянка сощурилась, брови насупила. От этого лицо у неё злым и уродливым стало.

– Аптекаря пеплицкого – Граса.

Лютовид сжал челюсти. И эта сволочь возле Мельцы находилась всё время, почти каждый день.

– Откуда знала, что он помочь сможет?

– Он напился как-то... Во время праздника... Рассказал мне, что у него мать ведьмой была, обучила его премудростям разным... А потом её убили, а его атаманы на обучение взяли... – Багрянка бросила на Лютовида взгляд, полный ненависти. – Взяли, а потом выгнали. Испытания он там какие-то не прошёл.

Лютовид сжал эфес сабли.

– Дальше что?

– Я... Я понести никак не могла. Упросила его зелье приготовить. Пригрозила, что, если не поможет, я всем расскажу, что он с ведьмой в родстве. Он помог... А потом у Тригтви с дочерью беда приключилась. Я помочь хотела... – Багрянка оскалила зубы, по щекам потекли слёзы. – Помочь!

Лютовид эти слёзы не могли сбить с толку. Он знал: было что-то ещё.

– Что ещё он тебе тогда сказал?

Багрянка вскинула голову.

– Что невеста ему твоя любя, да не хочет себя женитьбой на дурной крови марать! – Багрянка выплюнула это признание и захохотала: – Слышишь, атаман? А ты замараться не боишься?

Лютовид уже не слушал. Пусть златарь разбирается со своей женой. А ему нужно в Пеплицы. К Мельце.

Он выбежал из дома, отвязал Ветра и вскочил в седло. Злость завладела разумом и телом. И теперь его терзала жажда разрезать эту мразь на куски. Выжечь каждый орган в теле аптекаря, излечить, а потом повторить пытку снова. И так до тех пор, пока ублюдок не сойдёт с ума от боли, покрывшись кровавым потом. Безжалостно подгоняемый Ветер нёсся вперёд, преодолевая милю за милей, обгоняя своего воздушного собрата. Но Лютовиду всё равно казалось, что это недостаточно быстро. Сердце сжалось от дурного предчувствия. Беда... Она разлилась в воздухе. От её запаха, горького и едкого, слезилось в глазах, а в животе свивался склизкий клубок змей. Словно смеясь над ним, зарядил дождь. Началась настоящая буря. Холодные вихри рвали одежду, бросая в лицо пригоршни воды. Дороги размыло. Они превратились в вязкое скользкое болото. День и ночь смешались, накрыв всё вокруг бесконечным сумраком. Лютовид едва понимал, когда наступало новое утро.

Он почти не спал, перестал есть и лишь сильнее погонял Ветра.

* * *

Разразившаяся буря словно пыталась помешать ему добраться до Пеплиц. Вместо земли противно чавкала под ногами вязкая жижа. Пришлось спешиться и идти, по щиколотку проваливаясь в грязь. Ледяной сивер³ сносил всё на своём пути. Поваленные деревья и разлившиеся ручьи затрудняли и без того нелёгкую дорогу. Забываясь тревожным сном, Лютовид видел перед собой Мельцу. Она то плакала, то смеялась, а иногда манила его за собой. Сияющие дождевые капли казались её слезами, порывы ветра – её прикосновениями к разгоряченной коже.

Околдовала его дочь старосты, заворожила. Непокойная одинокая душа его теперь навсегда ей принадлежит. Без Мельцы ему жизни не будет. Лютовид не знал, что с ним происходит. Да и не стремился понять. Ни одной из женщин не удавалось сотворить с его чувствами подобного. Ни одной из каменниц красавиц он не желал обладать так же сильно, как Мельцей. После одной ночи они становились ненужными. О Мельце же он грезил днями и ночами. Тяга к ней сводила с ума. Лютовиду хотелось узнать всё о ней. Что заставляет Мельцу смеяться, а что грустить. Какие украшения ей нравятся. Какие танцы она любит. О чём мечтает и где хотела бы побывать. Он готов был отказаться от всего, лишь бы подарить ей то, о чём она мечтала. А Мельца бы его отблагодарила... Нежной улыбкой, ласковым прикосновением, объятием. Лютовид всё глубже погружался в пучину одержимости ею. Его неотвратимо затягивало в трясину. И выбраться из неё казалось столь безнадежным, что он начинал опасаться за свой рассудок. Стоило на мгновение закрыть глаза, усталость брала своё, и он оказывался в удивительном мире. В этом мире Мельца каждый день ждала его возвращения домой. Она встречала его, снимая поцелуями усталость. Залечивая влажными касаниями губ его душевные раны. Лютовид представлял, как скользят его ладони по гладкой фарфоровой коже, как оставляет он на ней свои отметины, как громко стонет от его ласк Мельца и умоляет прикоснуться к ней ещё. Как он мучает её ожиданием, пока она не выдерживает и не срывается на крик...

Его грёзы разрушило ехидное уханье филина. Птица словно смеялась над этими фантазиями, наперёд зная, что не дано будет ему дотронуться до Мельцы своими грязными руками.

Болезненно бледный рассвет осветил спящий хутор. Даже издалека были видны жёлтые огоньки в домах у околицы. С огромным трудом Лютовиду удалось выбраться из болота, в которое превратился лес. С неприятным хлопаньем Ветер переставлял копыта, пытаясь преодолеть грязь, которая когда-то была землёй и пылью. Ругаясь под нос, Лютовид всё сильнее и сильнее ударял коня по бокам, понукая двигаться резвее. Наконец они добрались до окраины.

В доме старосты зловеще горели мутным светом несколько окон. Почему-то всё строение казалось неприветливым и жутким. В воздухе вновь разлился едкий запах беды. Лютовид спешился и бросился в дом – увидеть Мельцу. Сначала он обнимет её и поцелует. Даже если она испугается, если оттолкнёт! Разбудит её и скажет, что вернулся, что узнал, кто это сделал и больше ей нечего бояться.

Дверь отлетела в сторону под его нетерпеливой рукой. Шум голосов на кухне сразу смолк. Потом он узнает, что там обсуждают кмети и почему не спят. Сперва – встреча с Мельцей. Коснуться её... Вдохнуть аромат спелых вишен.

Едва Лютовид дошёл до лестницы, как на пороге кухни появились дружинные. Все. Усталость и спешка не могли ему помешать это заметить. Рой вопросов пронёсся в голове. Почему они здесь все? Почему Гирдир не охраняет Мельцу? Почему остальные не стерегут ведьму? Сурово сведённые брови и мрачные взгляды заставили атамана остановиться. У воев был виноватый и испуганный вид. Внутри всё сковало льдом от дурного предчувствия. Тут же вспомнился сон, когда он сам погубил Мельцу. Лютовид перевёл взгляд на Гирдира. Тот опустил

³ Сивер – холодный северный ветер.

голову и смотрел в пол. Сразу всё стало ясно. Повинно опущенные плечи, как будто уменьшившаяся в размерах могучая фигура. Ярость... Жгучая, горькая. Алым туманом она задурманила разум. Рука потянулась к эфесу. Он сам не заметил, как вытащил саблю, как ринулся на Гирдира и вжал его в стену. С глухим звуком стукнулась голова кметя о твёрдый камень. Длинное изогнутое лезвие коснулось шеи. Потекла кровь.

– Где она? Где?! – Его голос – не голос, рычание. Внутри же всё пылает диким пламенем.

– Прости, атаман... – Тихий шёпот Гирдира хуже всех пыток, которые Лютовиду пришлось когда-либо терпеть.

– Жалкая мразь... Я ведь попросил! Всего лишь раз попросил!

Чьи-то руки впились в плечи, в запястье. Его почти оторвали от кметя и швырнули в сторону. Сальбьёрг и Лейвюр, тяжело дыша, загородили Гирдира и достали оружие.

Первым заговорил ипат:

– Он ни в чём не виноват. Это заполошный... Выпустил ведьму. А наши два дурака не уследили...

Лютовид поднялся на ноги, крепче сжимая саблю. Какая к Чёрту ведьма?! Ему не было дела до этой жалкой неудачницы.

– Где Мельца?!

И снова виноватые взгляды и нахмуренные брови. Он боялся думать. Не позволял себе.

– Где? – От его рёва все вздрогнули и взглянули на ипата.

– Ведьма... Она напала на Мельцу. Аптекарь её защитить пытался, да силы неравны. Ведьма и его... Едва живой остался. Ты бы пошёл – помог ему.

– Что? Что ты сказал?

Лютовид набросился на Сальбьёрга. Он не разбирал, куда наносит удары. Лишь одно желание билось внутри: уничтожить. Как угодно. Вырвать кишки у тех, на чью помощь он так опрометчиво понадеялся. Вырвать и растоптать. Смотреть, как медленно и мучительно они умирают.

– Это он сделал с ней! Он! – Лютовид с Сальбьёргом покатались по полу.

Он подвёл Мельцу. Предал. Оставил одну. Когда ей нужна была его защита, он бросил её здесь... Откинув от себя ипата, Лютовид привалился к стене. Лицо было влажным. От крови ли? Или это слёзы потекли по ещё незажившим ранам?.. Ни воевода, ни Гирдир – никто не виноват. Только он один...

– Где аптекарь? – Он взглянул на перепуганных дружинников, которые молча стояли в стороне. – Где?

Ответил Сальбьёрг. Его лицо было покрыто кровью, и от этого Лютовид вновь заполнил алый туман ярости.

– У себя дома. Он над аптекой живёт. Я провожу.

– Не надо. Я знаю, где это.

Атаман поднялся на ноги, взглянул на кметей. На их лицах читались облегчение и надежда. Глупцы.

Лютовид подобрал саблю и вложил в ножны. Он всё сделает голыми руками.

Снаружи было прохладно. Пахло чем-то гнилым. А перед глазами стояла Мельца. Вот она прячется под крышей кашеварни. А вот рассматривает пицаль. Её голос, её аромат, её сияние... Укус на руке жжёт нестерпимой болью. Такая же боль пульсирует там, где должно биться сердце. Нет. Нет-нет-нет. Этого всё неправда. Как могла она уйти и оставить его одного?! Конечно же она жива! Жива. Она обещала его дождаться. Или нет? Мельца стояла под дождём и смотрела ему вслед. Она думала, что он такой же, как аптекарь, надругавшийся над ней. Совсем рассвело. На улице показались люди. Жалобно скрипнула вывеска аптеки на ветру. Нет, он не такой, как этот выродок. Он хуже.

Боль и ярость отравили его тело, сожгли душу. Хотелось кричать. Плакать как ребёнку. Рыдать. Уничтожать. Убивать. Мучить. Пытать. Жалкая дверь не стала преградой.

Лютовид вытащил аптекаря из кровати. Его лицо пересекал длинный глубокий порез. Повязка закрывала глаз. След от Немого Убийцы атаман узнал сразу. Значит, Мельца воспользовалась кинжалом. Схватив аптекаря за шиворот, Лютовид проволока его по ступеням, упиваясь громкими криками. Вышвырнув выродка на улицу, он вышел следом. Дышать было тяжело. Сердце нехотя стучало в груди. Он всё ещё верил.

– Где она?

Аптекарь встал на четвереньки и попытался отползти.

Лютовид шагнул за ним.

– Где она?

– О чём вы... Пан атаман? Кто?

Испуганное блеяние едва не лишило Лютовида последних крупниц разума. Змей, что поселился внутри вместе с проклятием, исступлённо шептал внутри: "Убей... Убей... Заставь мучиться... Разорви на куски..."

– Где она?

Боль внутри становилась нестерпимой. Не могла Мельца оставить его. Не могла. Так она на него смотрела, так лицо к нему подняла – верил он, что дождётся. Знал. Жива она. Этот выродок её прятал где-то. Но Лютовид её найдёт. Весь Свет Белый перевернёт, но найдёт. Он шагнул ещё ближе к корчившемуся на земле аптекарю. Огонь, что с рождения жил в нём, пробудился. Последний раз рыкнул:

– Где?

Тайная сила, коей все атаманы наделены, доселе спала. Но мысль, что у него забрали Мельцу, раздула пламя. И теперь оно сжигало его. На кончиках пальцев загорелись оранжевые язычки. Они кололи кожу, как острые иглы. Так было, когда Лютовид прикасался к Мельце. Болезненно и сладко. Он отыщет её. Выпотрошит эту жалкую тварь, что валяется сейчас в грязи, и бросит к ногам Мельцы.

Высыпавший на улицу народ окружил их, боясь подойти ближе. Бряцнул металл. Лютовид отвёл взгляд от аптекаря – собственная дружина взяла его в кольцо, кмети доставали оружие и смотрели на него с ужасом. Лютовид усмехнулся. Идиоты! Они не остановят его. Он найдёт Мельцу. Она не умерла. Враньё всё это. Жива его прекрасная панна. Жива и ждёт его. Подчиняясь атамановой воле, вокруг него и хныкающего выродка непроходимой стеной вспыхнул огонь. Синими и зелёными языками ворожейное пламя взвилось вверх так высоко, что скрыло их от всех взглядов. Жар и холод шёл от пылающей стены. То же происходило и внутри Лютовиды. Ледяной панцирь сковывал его горящую огнём душу.

Аптекарь понял, что ему не убежать, и расхохотался. Его громкий издевательский смех ножом резал жилы. Лютовид не выдержал. Он представил, как сторают все до единого органы этой твари, и в следующую секунду выродок пронзительно заверещал. Повязка, скрывающая глаз, окрасилась алым пятном. Из ушей потекли тонкие тёмные струйки. Только осознание того, что жирной мрази известно, что с Мельцей, помогло Лютовиду остановиться.

Он молча смотрел на распростёртое в грязи тело, ощущая себя тем, кем и был – убийцей. Монстром, получающим удовольствие от мук, которым подвергал аптекаря. Но сдержаться было невозможно. Насильник должен сполна расплатиться за то, что чувствовала Мельца. Ощутить её боль, увеличенную стократ.

Наконец аптекарь открыл рот. Слюна смешалась с кровью и текла по его трясущемуся подбородку.

– Она сама... Нагнулась... Передо мной... И умоляла...

Лютовид представил весь тот ужас, который Мельце пришлось пережить опять. Он сорвался и снова утопил нутро выродка в расплавленном огне. Громкий визг лишь усиливал

ту агонию, которая жгла самого атамана. Он остановил пытку, с яростью глядя на то, как кожа аптекаря, покрытая кровавым потом, дымится. В воздухе запахло палёной костью.

– Я... Убил её... – Едва слышный шёпот заставил Лютовида вздрогнуть. – Вскрыл её поганое брюхо... Чтобы... От тебя не понесла... А потом... Утопил... Она звала... Тебя... Атаман...

"Убей... Сожги... Вырви глотку... Он должен мучиться... Должен харкать кровью... Убивай медленно..." Сине-зелёное пламя вспыхнуло на визжащем скоте, объяло его обрюзглую тушу. Ледяное и горячее одновременно, оно доставляло боль, способную свести с ума. Лютовид знал, каково это – гореть в этом же самом пламени. Оно могло убивать часами, неделями. Но не оно уничтожит мразь, что посмела коснуться Мельцы...

Сжав в руке кинжал, Лютовид опустил на колено и прямо через ткань вспорол брюхо ублюдку.

– Узнай, каково было ей...

Аптекарь последний раз вскрикнул. Его тело задёргалось, как отрезанный ящерицын хвост. Но этого было мало... Лютовид желал убить его ещё раз. Ещё... Разорвать на куски... Не хотел он верить словам выродка. Но знал, что это правда. Из брюха выбралась серая жирная лягушка. Она шлёпнулась в грязь и забарахтала лапками. Вот, где колдун прятал её – в своём собственном теле, чтобы Мельца никогда не смогла произнести его имени. Лютовид наступил на лягушку. Раздался хлюпающий звук, захрустели кости. И всё равно слишком поздно... На этот раз он точно знал – это слёзы текут по лицу.

Всё остальное он помнил смутно. Столбы смаги⁴вокруг него вдруг начали замерзать. Сжав челюсти, Сальбьёрг, этот ублюдок, заколдовывал пламя, обращая его в лёд, а Гирдир разрубал холодную стену. Лютовид взглянул на свои ладони – их охватили мерцающие синим языки пламени. Кожа раскалилась. Он вырвет сердце у жалкого предателя. Прожжёт дыру в груди и вырвет. Кто-то сшиб его с ног. Хотовит прижал к земле, а Ягин взял на прицел. Лютовид дёрнулся, потянулся к оружию, но Вигарт с Лейвюром его опередили. И всё же ему удалось извернуться и вытащить кинжал. Лезвие коснулось горла Хотовита. Медленно оно начало раскаляться от жара его руки. Металл прилип к коже, появились красные волдыри. Хотовит зашипел от боли и отскочил.

– Довольно! – Сальбьёрг вынул меч и прижал к атамановой груди.

– Не тебе, королевский ублюдок, мне приказывать.

Лютовид обхватил ладонью лезвие и сжал. С каким удовольствием он сейчас впился бы в холодные равнодушные глаза ипата. От жара рук остриё начало плавиться. Уничтожить их всех... Жажда убивать и мучить начала сводить с ума. Прожигая кафтан, закапал расплавленный металл. И вновь, с болью, пришло осознание – лишь он во всём виноват. Не нужно было оставлять Мельцу одну. Он должен был взять её с собой. Он вообще должен был увезти её отсюда! Заставить забыть об этом месте. Лютовид убрал руки от остатков меча и встал. Дружинные глядели на него с опаской, ожидая нового нападения. Местные – с ужасом. Многие упали на колени и молились Созидателю. О ком они молятся? Об аптекаре? О Мельце? Или о самих себе, чтобы не стать следующими? Внутри вновь заворочалось пламя. Лютовид хотел сжечь этот хутор, уничтожить. Чтобы даже кучка пепла не напоминала о нём. Стереть из памяти всё, что здесь произошло.

– Что... Что это?

Запыхавшийся староста стоял подле кметей и трясущимися пальцами указывал на останки того, кто когда-то звался Грасом. На почерневшем, будто от сажи, лице застыла гримаса агонии. Грузное тело скрючилось и покрылось коркой вулканического пепла. Лишь нутро зияло чем-то красным и белым.

⁴ **смага** – огонь, полымя.

– Он надругался над твоей дочерью.

Лютовид переступил через труп насильника. Единственное, о чём он жалел – что убил эту мразь так быстро. Ничего... Он найдёт его душу, и тогда аптекаря будут ждать не пляски в Мёртвом царстве, а вечные муки.

* * *

Тишина в доме старосты разрывала уши. Ещё чуть-чуть, и перепонки лопнут, потечёт кровь. Тихий шёпот выводил из себя.

– Хотовит с Вигартом будут наказаны... За то, что упустили ведьму...

– Антипа заберём в Каменн... Судить за пособничество ворожейке...

Какое ему дело до Хотовита, Вигарта и Антипа? Какое ему дело до всех них? Лютовид оставил дружинных и поднялся в спальню к Мельце. В крошечной комнатке было холодно, словно в могильнике. На столе стояла простая маленькая шкатулка. Постель убрана. Пусто и одиноко. Лютовид подошёл к шкафу и распахнул дверцы. На полке аккуратно сложенными лежали три старых платья. Он взял одно. Грубая ткань упала блеклым полотном. Он поднёс материю к лицу и вдохнул нежный вишнёвый аромат. Нутро тут же заполнил пьяный дурман. Лютовид покачнулся, добрёл до узкой кровати и лёг, прижимая к себе платье. Пряный туман клубился в голове, погружая в грёзы, которым не суждено никогда сбыться. Он представлял, как Мельца улыбается ему, смеётся. Как ласково проводит прохладными ладонями по его щекам и нежно целует. Как она подставляет лицо дождю и, закрыв глаза, думает о чём-то ему неведомом. И как он пытается узнать, о ком же её грёзы...

Лютовид распахнул глаза и резко сел. Он не отпустит её просто так. Даже если Мельца ушла в Мёртвое царство, он заберёт её оттуда. Вернёт себе. Спрячет ото всех. Есть ведь способы. Ему ли, осеннему атаману, не знать?! Грубое полотно ласкало ладони. А в душе теплилась надежда. Да нет же – уверенность! Он вернёт Мельцу.

Глава III. Три осенних призрака

Еще до моего и твоего рождения наш мудрый король Володарь разделил Северный Кряж на девять прекрасных княжеств. Во главе каждого он поставил старосту – мудрого и верного своего помощника. Старосты – добрые слуги народа. Следят они за порядком и мирным житьем.

А чтобы люд имел защиту от Черта, ведьм поганых и их козней, отправил Володарь в каждое княжество по Проклятому атаману. Должно им смотреть, кабы колдовство какое не творилось, да помогать старостам, ежели что такое приключится, с чем без помощи ворожейной не справиться.

В хуторах, что обильно раскинулись по всему Кряжу, никаких ворожейников, конечно, отродясь не бывало. Коли беда приходила, за помощью в Каменн посылали. Ибо в столице сразу три Проклятых атамана служат – оберегают само сердце королевства, главный его оплот. Потому один всегда может отправиться на помощь люду доброму, не страшась, что без него город в опасности останется. Двое других жизни свои положат, но защитят столицу от врага.

С тех пор немного изменилось. И поныне так: девять атаманов княжества стерегут. Трое – Каменн охраняют. Один из них всегда при короле служит, второй – людские споры решает, а последний – за границами да подступами к городу следит.

Речи о Северном Кряже

* * *

Тишина в комнате была мрачной, тяжелой, будто Лютовид в глубоком могильнике оказался. Да он и чувствовал себя так: закопанным под землей, задыхающимся. Мельца завладела его дыханием, его жизнью, его жалким сердцем. Как ей это удалось? Как он оказался так глуп и неосторожен, что попал под ее безжалостные чары? И теперь не будет ему без нее жизни. Все, что суждено, – мучиться от того, что не уберег. На Свете ли Белом, в Мертвом ли царстве, но он отыщет свою панну. Там, в груди, где положено быть сердцу, теперь лишь тлели угли. В пустом нутре остался только змей. Он разворачивал свои кольца и то ли смеялся, то ли шипел: «Долго тебе искать ее придется... Года не хватит... Столетий мало будет...» Лютовид прикрыл глаза, и тотчас же голоса, что иногда едва слышно перешептывались в его голове, стали явственнее. Все атаманы, служащие Туманнице, живут с этими голосами. Иногда они шумят, иногда совсем замолкают. То один слышится, то множество. Это мертвые души, что на Свете Белом пожелали остаться, свои дела обсуждают. Среди шепота призраков Лютовид пытался лишь одно различить: голос Мельцы. Только б знать, в каком мире ее искать. Среди живых ее душа задержалась или к умертвиям подалась. Но не слышно было панны. Лишь тихие беседы почивших незнакомцев разрывали голову. Словно сговорившись, призраки галдели и галдели. Их лепет – что удары тупого топора. Боль, с которой ничего нельзя сделать.

Не видит покойников человек, но они-то видят всех. Все им ведомо. А вдруг кто заметил, что с Мельцей стряслось? Вдруг призрачный свидетель был? Будто столетний старик, Лютовид встал с кровати и опустился на колени перед каменной стеной. Закрыв глаза и прислушиваясь к шелестящим шепоткам, он начал произносить слова древнего заговора:

– Призываю тебя, Всесильная Туманница. Твоя власть неоспорима и вечна. Раб твой молит о помощи. Яви то, что скрыто, коснись своей дланью, благословляя. Осени милостью. Все, что погибло, пусть возродится под твоей властью. Разбуди тех, кто уснул, останови увяда-

ние. Пусть те, кто из туманов твоих соткан, явят свои лики и покорятся моей воле. Тебя молю, тебя заклинаю, пред тобой на коленях стою и предлагаю дар крови в обмен на милость.

Лютовид достал кинжал и полоснул по ладони. Весенним ручейком по коже побежала темная кровь. Атаман стряхнул черные капли на пол. Они тут же впитались в грубые доски. Не осталось и следа. Неровное дерево, словно голодный зверь, с жадностью поглотило жертвенную влагу. Гомон голосов стал чуточку тише. А спустя мгновение сквозь каменную стену, шкаф и дверь в комнату просочились три бледные фигуры. Дымом от костра они расплзлись по спаленке и остановились подле Лютовиды. От них шел холод и тянулись белесые клочья тумана. На первом трупе, худосочном и долговязом, красовался кафтан с капюшоном, который, однако, не скрывал жуткого лика своего хозяина. Все тело призрака было оплетено плющом. Яркие зеленые листики торчали даже изо рта. Это был Хмурень⁵, старший из сыновей Осени-Туманницы. Второй сын – Свадебник⁶, явился на зов в нарядном сером облачении. Вот только все оно было пылью покрыто. Длинные волосы среднего брата спутались, и слышно было, как в них копошатся насекомые. Себя он увешал камнями драгоценными. Кровавые яхонты⁷ блестели даже в потемках мрачной комнаты, и не сразу можно было разглядеть, что под ними зияют глубокие раны. Третьим же, и последним, явился меньшой осенний сын. Звался он Бездорожником⁸, и тело его было не плотью вовсе, а десятком черных воронов. Их тулова сталкивались друг с другом, а крылья нещадно бились в попытке вырваться на волю. Там, где положено быть рту, клубились облачка пара, а вместо глаз две капельки воды висели в воздухе.

– Зачем позвал нас, атаман? – Это старший брат молвил, Хмурень. Едва произнес, как в воздухе прелой листвой запахло. А изо рта еще обильнее плющ полез.

– Помощи вашей просить хочу. – Лютовид так и остался стоять на коленях. Снизу вверх он смотрел на трех братьев, ожидая, что в любой момент они могут уйти, даже не выслушав.

– чем же надобна тебе от нас помощь?

– Я женщину ищу. Мельцей зовется. Укажите, где она. – Будто погруженный под воду, он захлебывался собственным бессилием. Голос хрипел и срывался.

– Нынче Лето Звонкое властвует. А наша пора еще не пришла. Неведомо нам, что с твоей любимой приключилось. – Средний брат, Свадебник, печально вздохнул. От этого движения раны на груди его разошлись, пуше кровь потекла по бусому камзолу. Каждая капелька в яхонт красный превращалась.

– Но мы знаем того, кому может быть известно... – Это самый младший, Бездорожник, речь повел. И слышалось воронье карканье, когда он говорил.

– Нынче озера и реки обильно разлились. Смерть подати свои законные собирает. Ежели вод много, ему всегда Безлика Прачка помогает.

Лютовид не дышал. Он запоминал каждое слово и пытался не дать отчаянью вновь завладеть разумом. Он так надеялся, что братья знают, где Мельца...

– Отправляйся на запад. Найди лядину⁹ ольховую. Там есть изгородь живая из серого боярышника. Подле нее и Безликую Прачку сыщешь.

– А как с ней говорить, ты и сам знаешь...

Братья замолчали. Лютовид понял: больше они ничего ему не скажут. Низко поклонившись, он нашел в себе силы поблагодарить сыновей Туманницы:

– Спасибо вам, Осенние братья. За ответ, за помощь, за то, что на зов явились.

⁵ Хмурень – сентябрь.

⁶ Свадебник – октябрь.

⁷ Яхонт – рубин или сапфир. Зд.: рубин.

⁸ Бездорожник – ноябрь.

⁹ Лядина – молодой лес.

– Не грусти, атаман. – Из рта Хмуреня выбрались новые побеги плюща. Они обвили его шею, принялись за плечи. – Найдешь ее, колилюбишь.

– А оже¹⁰ нет, так и искать нечего. – Вместе с дыханием Свадебник выпустил очередной клуб пара, и всю спальню заволокло туманом.

– Некоторым дорого приходится платить, чтобы любовь познать, – вороньим карканьем раздался голос Бездорожника. – Не златом-серебром – жизнью, свободой, разумом. А с кого-то Судьба и тройную цену стребует. – Глаза-капли вдруг сверкнули, будто свет лунный отразили.

– Ты подумай, атаман... – Плющ уже из пустых глазниц Хмуреня полез, на стены спальни карабкаться начал, за ноги Лютовида цепляться. – Может, оно и к лучшему, что желанная твоя исчезла.

Лютовид вскочил на ноги и вплотную приблизился к старшему. Змей внутри взвился, пасть ощерил, клыки выпустил. Злобным шипением голос Лютовида раздался:

– Она моя. Я найду ее. Любую цену заплачу.

– Ну что ж... Тогда в добрый путь, атаман. – Свадебник печально улыбнулся. Несколько капель крови упали на пол, застыв сверкающими камушками. – Может, доведется на свадьбе вашей погулять...

Хмурень обратился плющом, обвинил стены, распахнул крепкими побегами створку окна и выбрался наружу, оставив после себя остроконечные листочки. Свадебник обернулся туманом, развеялся по комнате и вместе с порывом ветра устремился наружу. А Бездорожник стаей воронья порхнул в очаг и через трубу вылетел в сереющее небо, усыпав пол черными перьями. Долго еще в воздухе слышались грозные птичьи крики.

Дверь в спальню неожиданно отлетела в сторону, стукнулась о стену. На пороге стоял Багумил. На лице ужас застыл, глаза стеклянные. Тщетно пытался он воздуха глотнуть, грудь ходуном ходила.

– С собой меня возьмешь!

Староста походил на разбуженного по зиме медведя. Едва ли не рычал, ошарашенно оглядываясь по сторонам и брызжа слюной. Лютовид оторвал пару листочков плюща, собрал с пола вороньи перья и крошечные алые камушки. Они ему еще в ворожке пригодятся. Мало ли, какое зелье или заклятье для Мельцы сотворить надобно будет. А с такими подарками, что Осенние Братья оставили, колдовство великой силы получиться может. Мрачно атаман взглянул на старосту. После убийства аптекаря он ощущал странную жажду: уничтожать дальше. Мстить... Кто, как не отец, предавший свое дитя, достоин ужасной кары? Из последних сил Лютовид сдерживался, чтобы не спалить старосту и этот чертов дом. Он лишь коротко бросил «Нет!» и направился к выходу. Но Багумил преградил дорогу, заслонив проем могучей фигурой.

– Она дочь моя! Ты должен взять меня с собой!

У Лютовида перед глазами от гнева потемнело. Внутри полыхнул огонь, грозящий вырваться наружу и сжечь все кругом дотла.

– Дочь?! Поздно ты об этом вспомнил, староста! Лишился служанки?

– Я не был обязан кормить чужую девку! – Багумил ударил кулаком по стене, оплетенной плющом.

– А если чужая, зачем она тебе? – Лютовид оскалился, ощущая себя загнанным в ловушку зверем.

Ему хотелось растерзать выродка и бросить куски его подле тела аптекаря. Похоже, у старосты не было ответа на этот вопрос. Он молча сопел, обдирая цепкий плющ от стены.

– А вдруг моя?

Лютовид едва не расхохотался двуличию и лицемерию старосты.

– Если твоя, будешь плакать, а если чужая, можно и забыть?

¹⁰ Оже – если.

Он обошел старосту, и тому не оставалось иного выхода, как отступить в сторону.

Тихий гул голосов на кухне был слышен даже наверху. Лютовид спустился вниз и заглянул в проем. Хотовит и Вигарт, лишенные оружия, стояли в стороне, покорно опустив головы. Антип, вмиг осунувшийся и словно бы уменьшившийся в размере, сидел прямо на полу, в углу. Руки его были связаны, а лицо опухло так, словно над торговым хорошенько поработали чьи-то кулаки. Он поднял взгляд и уставился на атамана. Глаза его блестели, точно у дикого зверя.

– Что смотришь, ворожейник? Любуешься, как меня твоя благоверная отходила? – Из его рта брызгала слюна, а из лопнувших губ сочилась сукровица. – А я-то всего лишь назвал ее истинным именем – шлюхой твоей.

Лютовид и сам не понял, как так получилось. Вот стоит спокойно, на торгового смотрит. А в следующее мгновение уже бросается на него, и пламя внутри бушует, по ладоням жидкой лавой растекается. Гирдир и Сальбьерг его схватили, от Антипа оттащили. Но ненависть и злость Лютовида были столь велики, что огонь вырвался наружу. Волосы торговца запылали. Он заверещал от боли и упал. Связанными руками пытался он сбить огонь, катался по полу и вопил. Пламя обьяло голову, и казалось, что языки огня – это его волосы.

– Да что с тобой такое?! – Сальбьерг всадил кулак в челюсть Лютовида, и атаман покачнулся.

Острая боль на мгновение отрезвила, заставила очнуться.

– Заморозь его. Как поступил с моим огнем у аптеки. – Лютовид усмехнулся, понимая, что обращать чело Антипа в лед ипат не будет.

Он еще раз взглянул на предателя, чьи крики превратились в слабые стоны, и пламя, послушное воле хозяина, улеглось. Гирдир подскочил к торговцу – его волосы уже успели сгореть, а кожа покрылась жуткими волдырями и прямо на глазах облезала. Лютовид отвернулся и направился к выходу.

– Ты куда? На закате мы уезжаем. – Воевода хмурился, в синих глазах стыл лед. Кажется, еще секунда, и из них вырвется метель. Но Лютовид не страшила холодная ворожба детей Ледяного Князя.

– Уезжайте. А у меня дело есть.

Он покинул кухню, где все насквозь провоняло паленой кожей и предательством.

* * *

Там, где прежде разливалось озеро, нынче вольготно раскинулось море. Из воды торчали зеленые кроны дубов и острые макушки елей. Деревья казались срезанными, неправильными, словно увечными. По зеркальной глади плыли листья и стебли береговых трав. Солнце медленно садилось, окрашивая безрадостную картину в золотисто-алые тона. Казалось, будто это кровь течет по златым одеяниям.

Лютовид сидел в лодке, которой правил Бутьян, старожил погоста. Шустрый старик быстро согласился одолжить ее, но лишь с условием, что поедет вместе с атаманом. Отбирать силой хлипкое суденышко Лютовид не хотел. Он чувствовал, что еще немного, и не сможет контролировать себя и ту боль, что растекалась отравой по нутру. А старику просто было любопытно. Так что ему стоит потешить чужое любопытство? Все равно к концу путешествия могильщик уже не будет испытывать иных чувств, только страх...

Легенда местных о том, что озеро прежде было ведовским котлом, где варились зелья, обретала смысл. Казалось, что колдовской отвар со множеством ингредиентов выплеснулся наружу. Травы, листья, цветы, грибы, ветки...

– А я для Мельцы могилку-то давно вырыл. Чужало сердце. – Бутьян махнул веслом и довольно улыбнулся, будто выиграл в давнем споре.

Лютовид сжал морщинистое горло Бутьяна.

– Ты сам ляжешь в ту могилу, если не замолкнешь.

Пылающий внутри огонь грозил вырваться наружу. Еще никогда не было так трудно сдерживать тайную силу. Старик бросил весла и вцепился в руку Лютовида, дергаясь, как рыбешка, во все стороны. От его судорог и тщетных попыток сделать глоток воздуха ладья раскачивалась на воде. Когда лицо Бутьяна посинело, Лютовид разжал ладонь. Кашляя и отплеываясь, старик перегнулся через борт. Лютовид же взялся за весла. Стремительно и легко лодочка полетела прямо на запад. Ясное Солнце опускалось все ниже, небо серело, и вода больше не казалась голубым зеркалом. Медленно она превращалась в черный опасный омут, готовый затянуть каждого глупца, осмелившегося пуститься в путешествие.

И вдруг в воздухе со всех сторон полился горестный плач. Протяжной мелодией волынки он плыл среди деревьев, по затопленным землям. От диких завываний стыла кровь, а тело начинало дрожать в ознобе. Старый Бутьян затрясся, сцепил ладони в замок и зашептал молитву Созидателю. Кое-где показались редкие клочки суши с грязной травой и обломками веток. Молодой лес стойко сопротивлялся стихии. Ольховые заросли выдержали атаку дождя и ветра. Не сломились под натиском бури. А среди них серели сплетенные насмерть стволы боярышника. Они образовывали стену, почти такую же плотную и непреодолимую, как крепостные стены Каменна. Протяжные завывания стали еще громче. И непонятно было: то человек рыдает, али волынка плачет. За одним из деревьев мелькнула чья-то фигура. Раздался плеск воды, и по изгороди пробежала жуткая сгорбившаяся тень. Молитва Бутьяна зазвучала быстрее. Наконец появилась и хозяйка темного силуэта. В тумане контуры казались неясными, размытыми. Скрюченная бабка вышла из-за дерева, прохромала к кромке берега, склонилась над водой и начала что-то усердно полоскать. Бутьян тоже заметил женщину. Испуганно старик схватился за весло. Оно шлепнуло по воде, и Прачка резко повернулась к ним. Лицо ее было скрыто дешевой голубой маской, какую можно купить на любой ярмарке. Даже отсюда виднелись грубые неровные мазки, покрывавшие шершавую поверхность. Прорези глаз и рта – три перевернутых дуги, разнящиеся лишь размером. Там, где положено быть носу – два прокола. Черным угольком нарисованы грозно нахмуренные брови. Но как ни старался мастер передать злобные черты, все же маска казалась равнодушной, холодной. Будто там, за ее покровом, не лицо – пустота. Безликая Прачка вытащила из воды какую-то тряпку, отжала и швырнула на ветку, что нависла над самой землей. На воде, в том месте, где она полоскала чью-то одежду, разлилось кровавое пятно.

Лютовид выпрыгнул из лодки, оказавшись по пояс в холодном озере и, тяжело переставляя ноги по илистому дну, зашагал к старухе. Он сейчас тоже молился. Но намного отчаяннее Бутьяна. Молил атаман Созидателя о Мельце, чтобы живой оказалась, чтобы не ее эта одежда была.

Когда Лютовид дошел до Безликой Прачки, та уже взялась за мужской кафтан. Добротное черное полотно загадочно поблескивало даже в неверном свете засыпающего солнца. Черные же шелковые нити будто сверкали, сложенные в причудливый узор. Лютовид сглотнул, глядя на знакомое одеяние, а Прачка окунула его в воду и принялась яростно полоскать. Вода еще пуще прежнего окрасилась кровью. Алые ручейки побежали к ногам атамана, пропитывая темно-зеленую ткань штанов. Тело будто окаменело, и пришлось сделать усилие, чтобы продолжить свой путь.

Но Лютовид упрямо дошел до старухи. Полностью выйдя из озера, он остановился на берегу, между Прачкой и водой. Лицо в маске поднялось к нему, и скрипучий, как ржавые дверные петли, голос прокаркал:

– Знаю, зачем пришел... Задавай свои вопросы да проваливай. Дел у меня полно. Нынче умертвий развелось, что знай только – прибирать за всеми.

Лютовиду было известно, что любому, кто осмелится встать между Безликой и водой, положены честные ответы на три вопроса. Да только он не верил, что отыщет старуху. Как

найти правильные слова, чтобы про Мельцу разузнать? Он поклонился помощнице Смерти, чувствуя, как, наверное, впервые в жизни дрожат руки, а страх ошибиться наполняет горло желчью.

– Приветствую тебя, Безликая...

– Кончай уже тянуть. Спрашивай.

– Где Мельца? – Лютовид даже подумать не успел, а губы уже произнесли вопрос.

– В пути она.

Не на такой ответ он рассчитывал. В пути куда? В Мертвое царство?

– Жива ли?

Прачка поднялась и хромая приблизилась к Лютовиду. В нос ударил острый запах сырой кладбищенской земли и трав.

Снизу вверх смотрела на него Безликая. В прорезях маски лишь тьма клубилась. Лютовиду же казалось, что Прачка на него сверху взирает, прямо с далеких небес. Все секреты видит, все тайны и пороки черной души его.

– Тело живо, – задребезжал голос. – И и душа не мертва... Да только иная теперь женщина перстень твой носит. Другая воспоминания о тебе бережет. Другой сны о тебе снятся...

– Захотела Безликая, точно дерево заскрипело. – Задавай третий вопрос! – злобно гаркнула.

Сердце грохотало в груди. Еще немного, и пробьет ребра, вырвется наружу. Тогда сквозь дыру в груди выберется змей, обовьет кольца вокруг его шеи и сломает позвонки. Не жить Лютовиду без Мельцы. Все без нее иным казалось, бесцветным, уродливым. Он и раньше красоты в мире не замечал, а сейчас и подавно. Жизнь, что состояла из пыток, боли и охоты, вдруг превратилась в жажду. Неутолимую жажду обладать лишь одной женщиной. Лютовид знал: таких, как Мельца, больше не существует. Лишь в ней одной его сила, его слабость, его жизнь и его погибель. Он найдет ее. И ежели для этого нужно нырнуть во тьму, которая клубится за маской Прачки, он это сделает.

Но затрещали вдруг ветки ольховые, будто бы медведь сквозь лядину ломился, и на берегу показался староста. Глаза дико горят, рот перекошен.

– Я третий вопрос задам!

Прямо сейчас подлая мразь воровала у Лютовиды возможность найти Мельцу. Руки сами потянулись к саблям. Он так быстро вытащил их из ножен и скрестил у мясистой шеи старосты, что сам удивился.

– Только посмей...

Лезвия сильнее надавили на кожу. Выступила первая кровь.

– Отчего так горячишься, атаман? – Прачка подтянула ближе к берегу корзину с ворохом окровавленной одежды. – Пушай отец задаст свой вопрос, а жених – свой. Уж больно вы забавные – отвечу обоим.

Еще давно, на острове Брюнхейне, где обучаются все атаманы, его научили не доверять призракам. Особенно тем, что Смерти служат. Любят они над живыми смеяться, с чувствами и горестями их развлекаться. И то, что Прачка готова ответить и ему, и старосте – дурной знак. Видать, задумала что-то. Но староста, ослепленный собственной гордостью, выпалил:

– Чья Мельца дочь?

От удивления Лютовид опустил сабли и лишь зло плюнул Багумилу на сапоги. У него был шанс узнать, где Мельца, что с ней. Он же вместо этого выбрал... Безликая расхохоталась. Эхом ее смех понесся над озером, пугая птиц и посылая волны по воде. И не было в этом звуке ни веселья, ни радости.

– А это не у меня спрашивать надо... – Старуха наклонилась и начала рыться в своей корзине. Сперва она выудила ступку, затем веточку вереска, а после потянула длинный отрез ткани... Лютовид не мог глаз отвести. Вот показался подол, за который он совсем недавно пытался удержать Мельцу. Затем – рукава. А после – лиф. Выцветшее голубое платье было

порвано, покрыто грязью и кровью. Захотелось кричать. От боли. От отчаяния. Внутри все коркой ледяной покрылось. Не должно так быть. Нет...

– Чой эт ты смурным таким стал, пан атаман? Платье, что ль, признал? Так не бойсь, не с умертвия снято... Панне твоей уже ни к чему – у нее одежда побогаче теперича будет. А для нашего дела – в самый раз. Поможи отцу неутешному правду узнать... А я тебе за то подсоблю.

Хоть и говорила Прачка участливо, а все же слышалась в ее голосе издевка. Лютовид смотрел на одеяние в ее руке и чувствовал, как ком в горле растет, мешает дышать. Полотно жгло глаза не хуже каленого железа. Сотни ножей впивались в грудь. Невидимая рука медленно поворачивала их из стороны в стороны, чтобы Лютовид познал всю душевную боль, которая только может существовать на Белом Свете. В венах вместо крови студёные воды побежали, и, будто замороженный, с огромным трудом он протянул руки к платью. Но вместо него Прачка сунула ему ступку, а затем поманила пальцем кровавое пятно. Послушно алые капельки отделились от поблекших нитей, зависли в воздухе и опустились на дно ступки. Что эта мразь сделала с Мельцей, ежели осталось столько крови? Руки дрожали, и бурая жидкость плескалась на дне.

– Давай, атаман... Что же ты медлишь? На этот вопрос ты старосте ответить можешь. Ко мне вовсе и не нужно обращаться...

Лютовид взглянул на маску Прачки. Помощь в обмен на ритуал. Возможность заставить Багумила страдать.

Атаман опустил на колени, поставил перед собой ступку и вытащил кинжал. Потянувшись вперед, он резанул руку старосты, злорадно усмехнувшись, когда раздался вскрик боли. Поднеся ступку к порезанной ладони, Лютовид наблюдал за тем, как медленно стекает старостина кровь, смешиваясь с кровью Мельцы. Бросив вересковый стебелек туда же, он обхватил гладкие края чаши и начал нагревать, представляя, как синие язычки пламени облизывают дно. Кровь перемешалась, закипела, забурлила. Розоватые цветочки отделились от стебля и сами собой сложились в круг. А в центре, будто маленький ураган, закрутилась черная воронка. Лютовид перевел взгляд с затаившего дыхание Багумила на Прачку. Из-за маски нельзя было понять, куда устремлен ее взор, но отчего-то чувствовалось, что он суров и холоден. Она и без атамановой ворожки наверняка знала, каков будет ответ, но отчего-то заставила и его, и старосту проходить это испытание. Переведя взгляд на плошку, Лютовид прошептал:

– Кровь младшая, кровь старшая, соединишь, коли один источник у тебя, разойдись по сторонам, ежели разный. Прими цвет этого вереска, коли одного рода, останься неизменной, ежели разных. Покажи правду мне и всем, кто ее жаждет. Открой истину, не скрывай ничего.

Цветки вереска ушли на дно, скрывшись под пузырящейся поверхностью. Кровь закрутилась в воронку и стремительно начала окрашиваться розовато-лиловым. Мгновение, и в ступке переливается единая кровь отца и дочери.

– Какие еще тебе нужны доказательства, староста? – Лютовид поднялся с колен и со злостью протянул Багумилу плошку.

Тот непонимающе уставился на Лютовид, а потом перевел взгляд на Прачку. Старуха низко нагнулась над ступкой и поцокала языком.

– Д-а-а, – протянул страшный голос, – ошибки нет... Была у старосты голубоглазая дочка, а он ее сам и погубил... – Безликая хохотнула, будто веселую историю рассказывала, и покачала головой. – Родную кровь прислугой держал, а теперича могилу ей копай да новую челядь ищи.

– Нет! Быть такого не может! – Багумил выхватил ступку и вылил кровь на влажную землю. – Ложь все это.

Лютовид не выдержал и расхохотался. Злой горький смех рвал его на части. Отчаяние сводило с ума, но остановиться не было сил.

– Кровь не врет, Багумил. Твоя она дочь.

– Была его. – Безликая Прачка сунула платье обратно в корзину и вновь взялась за черный нарядный кафтан – А теперь другая семья у нее будет. Те, кто заслужил, дочерью назовут... Чужие люди твою родную кровь примут, как свою...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.